

Лана Мур

16+

Попала, так попала,
или
Невеста на двоих

Лана Мур

**Попала, так попала,
или Невеста для двоих**

«Автор»

2020

Лана Мур

Попала, так попала, или Невеста для двоих / Лана Мур —
«Автор», 2020

Перевернулась на машине, упала в реку, а вынырнула в другом мире, да еще и оказалась на коленях незнакомца? Разберусь! Оказалась в чужом теле. И в этом мире магия. Ну ничего, привыкну, освоюсь! А вот что делать, если оказалась между двух мужчин, один из которых может быть моим братом? Ни в коем случае не влюбляться ни в одного из них и поскорее разобраться с предполагаемым родством! Хороший план?

Содержание

Глава 1. Авария	5
Глава 2. Новый мир	7
Глава 3. Озарение	9
Глава 4. Новый день	12
Глава 5. Ванная	15
Глава 6. Ладислав. Невольный стриптиз	16
Глава 7. Прощание	18
Глава 8. Склеп	20
Глава 9. Лицом к лицу	22
Глава 10. Беседа	24
Глава 11. Ужин	26
Глава 12. Непредсказуемая перина	28
Глава 13. Ромашка	30
Глава 14. Все чудастее и чудастее	32
Глава 15. Что скрывает ширма	34
Глава 16. Сила воли	36
Глава 17. Расспросы Греты	38
Глава 18. Ладислав. Причины злости	39
Глава 19. Мелисса. Купание	41
Глава 20. Ладистав. Беглянка	42
Глава 21. Ладислав. Ошейник	44
Глава 22. Мелисса. Гости	46
Глава 23. Кусок пирога	48
Глава 24. Ладислав. Дышащий соблазн	50
Глава 25. Мелисса. Лучшая защита – это нападение	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лана Мур

Попала, так попала, или Невеста для двоих

Глава 1. Авария

Ослепительный свет.

По лобовому стеклу, застилая обзор, расплзлась паутина трещин.

Я ничего не вижу.

Машину занесло вправо. Оглушительные сигналы. Визг покрышек. Удар. Еще один. Скрежет металла. Меня подбросило. Потом еще раз.

Следующее, что помню – это наполняющийся водой салон.

Я пробила или перелетела через отбойник и свалилась в реку!

Ледяная вода уже заливалась в ботинки.

Отстегнула ремень безопасности и толкнула дверь – заклинило.

Опустить стекло – стеклоподъемник не работает, ведь всю электронику залило.

Стучу кулаками в окно. Не поддается, а вода уже поднялась до груди.

Неужели так и утону в жестяном гробу, стоимостью в миллион? Почему мне не ездило на метро.

Нет, я не могла так просто захлебнуться!

Снова стучала в окно. Пыталась ногой выбить лобовое стекло, но, несмотря на трещины, оно не поддавалось, а пальцы уже костенели. Легкие разрывались от недостатка кислорода, сил оставалось все меньше, и движения становились все более ленивыми.

Безысходность и бесполезность всех попыток вместе с водой накрывали с головой. Хотелось уже сдаться, и позволить себе захлебнуться, но открывшееся второе или уже третье дыхание снова заставляло бороться и пытаться выбраться из железной коробки.

Вода затекала в нос холодными ручейками и раздирала горло. Перед глазами все плыло и не осталось никаких сил бороться за жизнь.

Тогда–то я и почувствовала, как чьи–то руки перехватили поперек живота и куда–то потащили.

Снова слепящий свет.

Я уже умерла?

Но откуда тогда такой ужасающий хрип? Почему все вокруг трясется? Что–то больно ударяет в грудь и сдавливает ребра.

– Дыши! Только дыши! Да дыши ты, преисподняя тебя побери!

И снова кто–то бьет в грудь, в ответ раздается новый хрип. Вырвавшийся из моей груди?

«Да дышу я, дышу», – хочу ответить, но получается только сип.

Горло словно ободрали наждачкой. Хочется вдохнуть поглубже, наполнить кислородом саднящие легкие, но я не могу. Непреодолимая сила сдавила ребра.

Кто–то пытается их сломать, а заодно и грудную клетку?

Новый удар обрушился на грудь, и из горла фонтаном хлынула вода.

Я задыхалась и кашляла, но с каждым мгновением становилось все легче, хоть горло и легкие продолжало саднить.

Мир вокруг обрел четкие очертания. Я даже смогла понять, что ослепило меня яркое солнце. Подо мной кроме мокрого песка еще чьи–то колени. Странно. Откуда в городе взялся песок и почему колени, а не носилки скорой помощи? Почему не слышно сирен полицейских? Не мелькают проблесковые маячки?

Голова еще кружилась, но я постаралась подняться – я действительно сидела на песке, прислонившись спиной к мужским коленям в странного кроя брюках. А на мне... на мне было длинное пышное платье со множеством оборок и нижних юбок. То, что сдавливало ребра, оказалось корсетом.

Что, черт побери, здесь происходит?

Я случайно оказалась на съемочной площадке?

Осмотрелась.

Я и мой спаситель находились на узком песчаном пляже у подножия скалы, на которой загнезвился замок.

Ничего не понимая, потрясла головой, и на грудь упали темные от воды каштановые волосы.

Не мои волосы!

Руки не слушались, но я все-таки подняла их и ощупывала лицо, которое казалось незнакомым, открытую декольте грудь и шею, с тяжелым ожерельем.

– Где я? Кто я?!

Хотела вскочить, но спаситель мне не позволил.

– Мелисса! – прижав мои, или не мои, руки к телу, он привлек меня, а голову положил себе на грудь. – Мелисса! Я думал, что ты умерла. Как рад, что ошибся! – шептал незнакомец в мои мокрые волосы. – Как ты могла так поступить?!

К тискал корсета добавились его объятия, и я снова начала кашлять.

– Прости, прости, – бормотал он, покрывая короткими поцелуями мой лоб, глаза, щеки. – Сейчас ты будешь в тепле. Сейчас согреешься, – и подхватил меня на руки, только бесчисленные юбки мелькнули в воздухе белой пеной кружева.

Неужели он понесет меня на руках прямо на скалу? Это в мокром то платье, которое весит, наверное, больше, чем я сама, но незнакомец уверенно пошел к замку.

Он ни разу не замедлился, чтобы передохнуть, удобнее перехватить меня, только крепче прижимал к груди. Даже ноги не дрожали.

Я же болталась на его руках как тряпичная кукла не в силах ни помочь, ни сопротивляться.

И только гадала куда я попала и вообще, кто я?

Имя Мелисса, кроме названия травы ни о чем не говорило. Да и обозримые окрестности мало напоминали незасыпающий ни на миг мегаполис.

Глава 2. Новый мир

Вот так, не останавливаясь, незнакомец поднялся к самому замку, вызвав у меня немое восхищение.

Из широких кованных ворот высыпала целая толпа. Женщины в таких же как у меня длинных платьях с пышными юбками. Чем-то они напоминали туалеты века этак восемнадцатого или девятнадцатого. Я не очень сильна в истории платьев, да и вообще в истории. Мужчины в брюках, слава богу не в лосинах, и длинных пиджаках. На ум почему-то пришло слово сюртук. Все это дополняли шейные платки.

Меня что, вынесло на съемочную площадку исторического фильма?

Я покрутила головой, стараясь найти хоть кого-то кто одет нормально. Ведь члены съемочной группы должны выглядеть как люди. Но ни камер, ни осветительных приборов, ни нормально одетых людей не заметила.

– Деточка моя, – еле поспевая за несущим меня на руках незнакомцем, семенила и переваливалась с боку на бок необъятных размеров женщина в не таком как у остальных пышном платье, переднике и чепце. – Что же ты, – она уже запыхалась, но все равно старалась не отставать и пыталась погладить меня по щеке. – Зачем же ты со скалы, да в море? А если бы расшиблась? – причитала и одновременно утирала глаза уголком передника.

Получается, что я, то есть не я. Тьфу ты, черт! Совсем запуталась. Та, за кого они меня принимают. Вот! Значит та, за кого они меня принимают, сиганула со скалы в море? А меня выловили вместо нее, и в ее платье?

Чертовщина какая-то!

Стоп. А что будет, когда узнают, что она это не я, вернее, я это не она. Да гори оно все синим пламенем!

Мысли бились о черепную коробку причиняя боль. Лучше бы я была без сознания и не видела огромного зала, коридоров с теряющимися в темноте высокими потолками, каменных лестниц с резными, блестящими медовым деревом перилами.

Что в древности делали с самозванками? Пороли до смерти? А посчитают ведьмой, так и сожгут!

Подступила тошнота, и я наконец-то отключилась.

Снова очнулась от гадкого запаха подогретого молока и невольно отшатнулась – та же полная женщина совала мне под нос железную кружку, в которой плавала желтоватая пенка.

– Да отойди ты, Грета, – оттолкнул ее незнакомец и вовремя. Хоть желудок был пустой, но все равно подпрыгнул к зубам, а я ломанулась к краю широченной кровати. Сильная рука вернула меня обратно на подушки и пригвоздила к... перине. Точно. Это была перина. – Не видишь что ли, ей плохо, – продолжая удерживать меня одной рукой, другой он убирал с лица прилипшие волосы.

– Конечно, плохо, – Грета хлопнула себя по необъятному боку и пышная грудь заколыхалась настолько сильно, что я смотрела, не в силах отвести взгляд. – Горе-то какое! Она же так хозяйина любила. Вот и не вынесло сердечко его кончины, кинулась со скалы.

Так. Кажется кто-то умер, кого девушка, за которую меня принимают, любила. Почему-то она не смогла этого пережить и бросилась со скалы. И что мне делать с этой информацией?

– Дай что-нибудь другое. Мелиссе необходимо подкрепить силы, – распорядился незнакомец.

– Сию секунду, господин, – засуетилась Грета.

Снова услышав как меня называют чужим именем, я вздрогнула, а потом принялась удивленно рассматривать комнату – большая, даже очень большая, вся отделана деревом, с ткаными гобеленами и толстыми коврами на стенах. Если она принадлежит Мелиссе, то у нее, а теперь

у меня, здесь неплохое положение. Кровать с четырьмя столбиками, поддерживающими тяжелый балдахин, была удобной и мягкой. В ворохе подушек можно было вполне удобно загнестись, что я с удовольствием и сделала.

– Это моя комната? – осмелилась задать вопрос, принимая из рук Греты чашку горячего шоколада.

– Никак умом повредилась! – Грета всплеснула руками так энергично, что я едва не опрокинула шоколад на толстое простеганное одеяло.

– Это моя комната, – мягко ответил незнакомец. – Пока не окрепнешь, поживешь здесь.

По виду Греты было видно, что эта идея ей не очень по вкусу. Видимо, нравственность барышень здесь блюлась так же строго как в нашем дореволюционном прошлом.

– А ты кто? – посмотрела на непрошеного спасителя.

Иссиня–черные волосы косо спадают на лоб, почти скрывая большие и выразительные глаза. Упрямые губы слегка подрагивают, будто стараются сдержать усмешку. Твердый подбородок, высокие скулы. Его можно было бы назвать красивым. Той особой, демонической красотой, которая редко оставляет женщин равнодушными. Я бы тоже могла ей поддаться, вот только меня останавливало абсолютное незнание своего будущего и его в нем роли.

– Ты меня не помнишь?

Снова это дрожание уголков губ.

– Точно, повредилась! – горестно воскликнула Грета, а я покачала головой.

– Меня зовут Ладислав. Теперь я хозяин этого дома и... – он замялся и почему-то отвел взгляд. – И твой хозяин тоже.

Что?!

От неожиданности я подскочила, но голову пронзила такая боль, что свалилась обратно, и в глазах потемнело.

Глава 3. Озарение

– Что же такое твориться–то?

Кудахтанье Греты сначала доносилось словно слой ваты, затем все более отчетливо.

– Детонька совсем памяти лишилась. Что же теперь с ней будет?

– Пока полежит здесь, наберется сил. А потом посмотрим, – совсем рядом голос... хозяина. Господи, застрелите меня. Дожила! Еще в рабынях не ходила. И почему я не утонула? С чего это хозяин полез в воду спасать рабыню, да еще и приволок с свою комнату? Может, они, то есть, теперь уже мы, любовники? А если этот Ладислав потребует у меня выполнения моих рабских обязанностей? Спать с чужим мужиком? Только через мой труп! Хотя, может, я уже труп, а это уже агония мозга?

Успокаивая разгоряченные мысли, на лоб опустилась прохладная ткань и перина подомной промялась. Кажется, тот, кто сидел рядом, придвинулся.

– Что же она будет делать без памяти–то? – женским голосом продолжала галлюцинация.

Точно! Без памяти! Ну какая же эта Грета умная. Если все–таки не умерла, буду притворяться, что лишилась памяти, пока не освоюсь в этом странном мире.

– Давай, детонька, выпей, – перед носом снова оказалась кружка, сладко пахнущая молоком

– М–м–м, – я попробовала отвернуться, но, не обращая внимания на мое нежелание пить, Ладислав приподнял за плечи. Не церемонясь, он стиснул мою челюсть и влил в рот тошнотворно теплое молоко.

Горло сжало спазмом, и я закашлялась, тогда мучитель наклонил меня вперед и придерживал пока я не восстановила дыхание.

– Вот и хорошо. Вот и хорошо, – причитала Грета, принимая у хозяина кружку. Теперь она поспит, а проснется совсем здоровенькой.

Вот в последнем я очень сомневалась, хотя веки начали сами собой закрываться, и я провалилась то ли в перину, то ли в подушки, то ли в сон.

Глава 3. Ладислав

Я смотрел на нее, утонувшую в моих подушках.

Незаконная дочь моего отца, прижитая в столице от какой–то девицы. Я ненавидел ее всем сердцем за отнятую любовь отца, его внимание, за то, что она существует. Ненавидел!.. Потому что любил.

С того самого дня, как вернулся из интерната для мальчиков и увидел в нашем саду рыжекудрую девочку. Ее залиvistый смех напоминал перезвон серебряных колокольчиков и слышался каждый раз, когда отец отталкивал качели, и девочка взмывала к небу, отчего, открывая маленькие ступни в белых башмачках, взлетали кружевные юбки.

Именно тогда я в первый раз и почувствовал эту тягучую смесь притяжения и ревности – со мной отец никогда не проводил так время. И, взрослея без матери, я знал только строгость. Сначала отца, воспитывающего меня, как наследника, а потом наставников интерната, не прощавших ни единой детской шалости.

Я спешил домой, надеясь на встречу с отцом, на его радость моим успехам, на его гордость, а она, эта рыжеволосая кукла, отняла у меня все.

– Ладислав! – увидев меня, крикнул отец. – Подойди, познакомься. Это Мелисса. Моя помощница. Несмотря на низкое происхождение, у нее очень искусные руки. Надеюсь, вы подружитесь.

Подружитесь? Меня передернуло, а упоминание о низком происхождении вызвало отвращение и злость.

Так вот на кого отец променял своего сына. На простолюдинку!

В тот же вечер я пробрался в ее комнату, обставленную словно для госпожи, стащил то самое сиреневое платье с пеной белых кружев и сжег его.

Разумеется, мне влетело от отца, но слезы девчонки пьянили больше вина и оставляли послевкусие кабацкой сивухи.

С каждым моим приездом домой, Мелисса становилась все красивее. И тем больше я ее третировал, пока она не начала при виде меня испуганно прятаться.

Страшная правда открылась когда мы оба уже были достаточно взрослыми: Мелисса – чтобы вызывать интерес у молодого человека, а я – чтобы отдавать себе в этом отчет.

Тогда Мелисса хорошо понимала кто она есть и успешно избегала меня с самого моего приезда, но в тот день, когда я зачем-то пошел к отцу, стояла у дверей его комнаты и любовалась на сережки. Мамины сережки.

Увидев меня, она испуганно замерла, как лань перед волком, и напряглась, приготовившись бежать.

Сначала я хотел ее отпихнуть, но потом рассмотрел украшение в ее руках.

Отец не мог отдать их! Это фамильные драгоценности. Он подарил их маме, а она должна была подарить моей супруге. Они не могут принадлежать безродной девке.

В глазах потемнело.

– Дрянь! Воровка! Как ты посмела коснуться вещей мамы?! – орал я на оцепеневшую Мелиссу.

Вырвал из неподвижной руки украшение и с размаху ударил по лицу.

Она даже не вскрикнула, только из рассеченной губы стекала струйка крови, а в широко распахнутых, устремленных на меня глазах застыли слезы.

Я поднес дрожащую руку к глазам – перстень. Родовой перстень с орлом – герб нашего дома – немного большеватый для меня, повернулся на пальце, и ребро пришлось прямо на пухлые розовые губы.

Я ударил ее? Ударил девушку? Рука дрожала, и я перехватил ее за запястье, все еще не веря, что ударил Мелиссу. Меня не этому учили!

– Что за шум? – отец вышел из своей комнаты.

Посмотрел на меня, все еще не сводящего глаз с собственных трясущихся пальцев. Посмотрел на Мелиссу, дрожащую с головы до ног и отвесил мне хорошую оплеуху.

В ушах зазвенело, а в глазах начало двоиться. Я даже не знал, что у него такая тяжелая рука.

Мелисса вскрикнула. Словно очнувшись, она прижала ладонь к покрасневшей щеке и бросилась бежать, а отец втолкнул меня в комнату.

– Как ты посмел поднять на нее руку?! – гремел он.

– Она украла украшения мамы! – вспомнил я причину своего гнева.

– Это я подарил! – продолжал кричать отец. – Это моя воля! Кто ты такой, чтобы препятствовать ей?!

– Твой сын! – мы кричали друг на друга, забыв о приличиях.

– А она дочь! – встретил мой неверящий взгляд и поправился: – Я воспитываю ее, как свою дочь. И ты должен относиться к ней соответственно! Должен уважать ее! Такова моя воля! Она тебе ровня!

«Дочь! Дочь!» – неотступно звенело в голове. Я смотреть не мог на Мелиссу, чтобы не испытывать неподобающих чувств, и сбежал в столицу.

Я бежал от стыда за содеянное, от своей, как я теперь знал, страсти, противной природе и обществу. Бежал от себя.

Вернуться меня заставило только известие о тяжелой болезни отца.

Мелисса сделала мне одолжение и не показывалась на глаза, а когда отец испустил дух, уронив и разбив зеркало, я услышал судорожный всхлип за дверью и дробный стук башмачков.

«Я ведь даже не позволил ей проститься, поскольку проводил дни и ночи у постели отца», – все это пронеслось в голове, и я бросился следом.

А увидел только как ее юбки мелькнули и исчезли за скалой.

Неужели она считает меня таким монстром, что предпочла умереть, чем жить со мной под одной крышей?

«Пожалуй, у нее есть для этого причины», – думал я, рассматривая тонкий профиль на фоне темного окна.

Повел рукой, подзывая светильники, они подплыли ближе. Я свел пальцы – их свечение ослабло. Я не хотел, чтобы Мелисса проснулась.

С тех пор, как я ее не видел, рыжие волосы потемнели и приобрели глубокий каштановый оттенок. Скулы стали более выразительными, а губы перестали быть детскими и стали очень женственными... желанными.

Я резко отстранился и настороженно посмотрел на спящую – она повернулась на бок, вздохнула и подбила подушку под щеку.

Светильник завис прямо над ее лицом, и я не смог удержаться, снова склонился, рассматривая тонкие черты.

Невольно искал сходство и не находил его. Возможно, потому что не хотел и боялся.

Мысль, что я люблю собственную сестру приводила в ужас. Так не должно быть! Это неправильно.

Но ведь я ее целовал, когда вытащил из воды.

Целовал ее глаза, щеки, губы...

Задержавшись на них взглядом, я рассмотрел небольшой шрамик – свидетельство моей несдержанности.

Глава 4. Новый день

Спать было неудобно – слишком мягко, слишком душно, – но просыпаться тоже не хотелось.

«Надо же, какой странный сон», – думала я, проматывая в памяти аварию и то, как меня спас красивый незнакомец, толстую служанку, старинное платье. – «Ох, жаль, что проснулась, интересно, что было бы дальше» – сладко потянулась и напряглась от странного ощущения.

Я всегда спала голой, а сейчас что-то душило и, обмотавшись, сковывало движения. Такого просто не может быть!

Подскочила, осмотрелась и сначала открыла от удивления рот, а потом захлопнула.

Комната не моя! Длинная, отделанная кружевом ночная рубашка – не моя! Кровать с балдахином не моя! Вид из окна на сверкающее под солнцем море – не мой!

Значит, мне все это не приснилось? Тогда, кто же меня раздел? Снял тяжелое платье, тесный корсет? Надел этот балахон?

Послышался шорох и, пискнув, я натянула одеяло до подбородка, с трудом удержавшись, чтобы не накрыться с головой – рядом с кроватью в широком кресле спал мой вчерашний спаситель.

Длинные ноги вытянуты, руки расслабленно свешиваются с подлокотников, голова откинула, а в распахнутом вороте видна загорелая мускулистая грудь. Он дышал глубоко и размеренно, будто крепко спал, но стоило мне попытаться слезть с кровати, сразу же вскинул растрепанную голову.

– Мелисса? Проснулась?

Кто? Я?

Захотелось спросить, но, слава богу, голос ко мне пока не вернулся. Впрочем, я же хотела имитировать потерю памяти.

– Как себя чувствуешь? – Ладислав, кажется, его так зовут, встал с кресла и присел на кровать, я сразу же отшатнулась и повыше натянула одеяло. Кто знает, какие у них здесь законы гостеприимства.

– Не знаю, – растерянно помотала головой, при этом почти не покривив душой. Я действительно не знала как надо себя чувствовать после того, как едва не утонув, оказываешься в замке, да еще и не в своем теле. Кстати, об этом. – Можно зеркало?

Горло еще першило, и я думала, что голос будет больше напоминать воронье карканье, но он оказался на удивление мелодичным и каким-то певучим. Интересно, в прошлой жизни за собой такого не замечала.

– Конечно, – он легко поднялся, но в скользнувшем по лицу луче света, я успела рассмотреть залегшие под глазами полукружья теней. Кажется, прошедшая ночь оказалась для него не самой приятной.

Он взял колокольчик, и раздался серебристый перезвон.

– Звали, хозяин? – в комнату без стука ворвалась весьма фактурная девица – тонкая, затянутая в корсет талия. Интересно, ее обладательница хотя бы дышать может? От быстрого дыхания пышная грудь едва не вываливается из глубокого декольте. Волосы толстыми блестящими косами закручены на затылке, а лицо обрамляют кокетливые завитки. По тому взгляду, который бросила на меня девица, как-то сразу подумалось, что я заняла ее место.

– Верена, принеси Мелиссе зеркало и платье. Потом поможешь принять ванну и одеться, – распорядился Ладислав.

– Еще чего! – фыркнула девица, подтверждая мои подозрения, что у нее с хозяином весьма неформальные отношения. – Буду я еще прислуживать какой-то рабыне. Сама справится.

– Плетки захотела? – рыкнул Ладислав, и раскатистый баритон легко заполнил всю комнату целиком. – Делай, что сказал, без пререканий!

– Слушаюсь, хозяин, – она присела в поклоне, снова продемонстрировав выдающееся декольте, и исчезла. Наверное, за зеркалом.

Интересно, а что мне подарило новое тело? Я попыталась провести инвентаризацию, но пышное одеяло и широкая рубашка оказались существенной помехой.

– Я распоряжусь насчет завтрака, – словно не он только что кричал на служанку, Ладислав, отвлекая от странных мыслей, галантно поклонился и покинул комнату.

Верена вернулась довольно быстро. Или она очень быстро бегает, или комната туловища, в котором я сейчас нахожусь, находится где-то недалеко от хозяйской спальни.

Ох, сколько мне еще предстоит узнать. Мысленно вздохнула. Интересно, я здесь надолго и самое главное – как сюда попала?

– На! Смотри! – Верена не очень почтительно швырнула на кровать ручное зеркало в ажурной металлической оправе.

Оно одновременно было похоже на зеркала из моего мира и совсем другим – отражение в нем было более объемным, более живым, словно там, внутри прозрачного стекала, была своя реальность. Даже показалось, что его границы раздвинулись и стало видно намного больше, чем должно было, исходя из его размеров.

Но этими странностями можно заняться потом, пока же я изучала себя – длинные каштановые, сейчас растрепанные локоны могли принадлежать кому угодно, только не мне – любительнице коротких стрижек. Это же убиться их расчесывать! Наверняка, здесь нет ни фена, ни кондиционера для волос. Как они только живут с такими гривами? Высокий гладкий, словно мраморный, лоб. Казалось, его никогда не коснется ни одна морщинка. Им я осталась довольна. Почти прямые, разлетающиеся к вискам темные брови придавали лицу наивное и вечно удивленное выражение. Ему же соответствовали и удлиненные широко распахнутые светло-ореховые глаза. Высокие скулы, прямой аккуратный нос, узкий подбородок и сложенные бантиком розовые губы с неизвестно откуда появившимся более светлым шрамом. Наверное, мужчины любят такие лица, они вызывают желание защищать, оберегать. В общем, в полный голос вызывают к инстинктам сильного пола, чего не скажешь о моем прежнем лице с твердым подбородком и надменно вздернутыми бровями.

– Насмотрелась? – снисходительно поинтересовалась Верена. Так и хотелось назвать ее Варана – за лаковой внешностью упорно проглядывала чешуйчатая рептилия. Интересно, если поднести к ней зеркало, кто в нем отразится – девушка или варан. Кажется, в этом мире можно ожидать чего угодно. – Жаль, личико не ободрала о камни, – я невольно всмотрелась в ее подкрашенный рот, ожидая, что появится раздвоенный язык, и с него закапает яд прямо на застеленный густыми коврами пол. Но в облике девицы ничего не изменилось, только прищуренные глаза изливали на меня неподдельную ненависть. – Все-таки забралась к постели к хозяину? – шипела она, с силой выдергивая меня из уютного гнезда подушек. – Еще тело старого хозяина не успело остыть, как ты уже нашла себе новое прибежище. Бесстыжая!

Я задумалась – неужели это правда? То есть, эта невинная розочка, которую я увидела в зеркале крутила шашни со старым хозяином и одновременно мостила дорожку в спальню молодого? Ну и проныра. А как мне жить с такой репутацией?

– Сама помоешься, поди не госпожа, – Верена толкнула меня к каменной посудине, наполняющей нашу ванну. На ощупь она была гладкой и приятно теплой, а не ледяной, как бывает, когда отключают горячую воду.

Девица вышла, хлопнув дверью, а я недоуменно осматривалась – и что делать дальше? Ни крана ни душа я не заметила. Похлопала в ладоши, не зная, как в этом странном мире принято вызывать воду.

«Но ведь как–то они моются, раз есть ванна?» – стараясь мыслить логически, рассуждала я. Еще раз осмотрелась и растерянно села на камень.

О, чудо!

Едва моя, точнее, не моя, а неизвестной мне Мелиссы, попа коснулась камня, как ванна сразу же начала наполняться водой. Теплой водой! Интересно, а если я захочу пену? Но пока рано было об этом думать, намного важнее понять, что мне досталось в новом теле.

Кожа была чуть желтоватой. Наверное, Мелисса быстро загорает. Худые руки, выступающая ключица. Какие в этом мире каноны красоты? Может, здесь любят пышечек, а я с такой худобой выгляжу гадким утенком? Хотя, если носят утягивающие корсеты, значит любят тонкую талию, а она у меня нареканий не вызвала, впрочем, как и вся фигура, напоминающая песочные часы. Высокая, красиво обрисованная грудь, заканчивающаяся небольшими розовыми сосками. Я готова была поручиться, что их ни разу не касался представитель противоположного пола. Зачем же тогда врала Верена? Всего лишь из–за обычной бабской ревности пачкала репутацию девушки?

Плоский живот и подтянутые ягодицы тоже не оставляли желать лучшего, как и длинные стройные ноги.

На каменной полке стояли флакончики с разноцветной прозрачной жидкостью, я поочередно брала их, нюхала и ставила обратно, раздумывая, чем бы мне помыться и вымыть из волос морскую соль.

Один из пузырьков выскользнул из пальцев и упал в воду. Из горлышка сразу же полилась тягучая, немного желтоватая струйка и запахло лилиями.

Что же, попробую вымыться этим. Надеюсь, не облысею и не облезу.

Представила, как удивится Ладислав, когда увидит меня лысой и с пузырящейся кожей, я захихикала, но почти сразу же замолкла, вскочила, поскользнулась на разлившейся из флакона жидкости и с грохотом рухнула обратно.

А в замешательство меня привел вернувшийся вопрос – кто же снял с меня платье, корсет, наконец, панталоны и переодел в старомодную сорочку?

Кто осмелился ощупывать бесчувственное тело? Если неизвестная мне Мелисса так его берегла, то, наверное, я должна буду вернуть его в целости и сохранности, когда она займет свое законное место?

Глава 5. Ванная

Неужели гостеприимства Ладислава хватило не только на то, чтобы уступить мне свою спальню, но и на то, чтобы переодеть гостью?

Ну держись! Я тебе покажу, как лапать спящих девушек!

– Убилась? – с радостной надеждой в комнату ворвалась Верена.

– Не дождешься, – автоматически ответила я, а она захлопнула рот и уставилась на меня как на чудо заморское. – Смотри, какая смелая стала, – подходя ближе, осторожно заметила. – Неужели ночь в хозяйской спальне так подействовала? Так не успеешь заметить, как вылетишь оттуда, – она присела на бортик и взяла тот же флакон, который я уронила.

– На своем опыте знаешь? – я не удержалась, чтобы не съязвить, хоть и обещала себе поменьше говорить, побольше слушать.

– Любимый запах хозяина выбрала, – Верена покачала головой и сделала вид, что не расслышала моих слов. Кажется, она сама не знала как можно себя вести со мной. – Долго ты еще собираешься копать? Только тебя ждут! – воскликнула она и окунула меня головой в воду.

Я сначала подумала, что решила утопить, и принялась брыкаться, в результате чего служанка оказалась мокрой с головы до ног, но продолжала усердно тереть мне голову.

Она скребла меня до тех пор, пока волосы не начали скрипеть, а скальп болеть. Только после этого оставила в покое и подала большое полотнище ткани.

– Вытирайся, нечего сырость разводить! – брезгливости в ее голосе было столько, словно увидела раздавленного таракана. Хотя, как по мне, Мелисса выглядела вполне привлекательно, но, видимо, не для всех.

Когда, растеревшись до красноты и завернувшись в это же полотнище, я вернулась в комнату, на кровати уже лежало пышное черное платье.

Длинная черная юбка с небольшими черными воланами, стянутыми черными бархатными бантами. Длинные глухие рукава, закрывающие половину кисти и неожиданно глубокое декольте, правда, прикрытое черным кружевом. Под черным бархатом оказалось и белье – тонкая рубашка, достающая до бедер и панталоны с кокетливыми оборками.

Ох! У местных мужиков, наверное крышу сносит при виде этих оборок, ведь заканчиваются они чуть ниже колена, в то время как из-под подола юбки не видны даже туфли.

– Ну и чего застыла, как статуя? – недовольно фыркнула Верена. – Расчесывайся побыстрее, да я корсет зашнурую.

Глава 6. Ладислав. Невольный стриптиз

Она права, стою тут и пялюсь на платье, как баран на новые ворота. Еще заподозрит что-нибудь. Я взяла что-то похожее на щетку и подошла к окну, чтобы волосы быстрее просохли.

– Совсем весь разум растеряла! – всплеснула руками Верена. – Куда же ты, дуреха, потащила хозяйскую щетку для одежды? Отдай сюда! – и выдернула щетку, едва не оторвав руки.

– Я головой ударилась, еще не все помню, – промямлила я под насмешливым взглядом служанки.

– Ладно уж, стой, расчешу, – смягчилась она. – Я же говорила, что ты неумеха. Толку от тебя, меньше чем от младенца.

Кажется, Верену вполне устроила моя глупость.

Больно дергая, она расчесывала мне волосы, а я стояла у окна, обдуваемая теплым ветром.

Внизу раздался голос, и я опустила глаза – прямо под окном, Ладислав, весь в черном, словно ворон, отдавал приказы негромким ровным голосом.

– Надо отрастить такую гриву! – недовольно воскликнула Верена и больно дернула, когда щетка в очередной раз запуталась в волосах. Я невольно вскрикнула, а Ладислав поднял глаза и остоленел.

Мне-то что, я на пляже и более голая появлялась, а вот для него, бедного, это, видимо, оказалось откровением.

Я кожей ощущала, как его взгляд ощупывает мою, вернее Мелиссы, шею, плечи, едва прикрытую тканью грудь.

Он не шевелился, я тоже. Он смотрел вверх, я вниз, но взгляды пересеклись, и по спине прокатилась холодная волна.

Я невольно передернула плечами, а Ладислав вздрогнул и резко отвернулся.

– Чего ты дергаешься? – из-за плеча выглянула Верена, увидела хозяина и заголосила: – Бесстыдница! Нагишом, да перед мужчиной! Вот попадешь к Нечистому!

Нечистый – это дьявол что ли? И чем грозит попадание к нему?

Я как раз из тех людей, кому закроют двери в ад, сказав, что там только приличные люди, и мне в их обществе делать нечего.

– Чего же стесняться? Мы ведь провели эту ночь вместе, – тряхнув почти просохшими волосами, словно невзначай обронила я. Уж больно хотелось осадить зарвавшуюся нахапку.

– Бесстыжая! Еще тело хозяина не остыло, а ты уже в постель сына переметнулась, да еще и хвастаешься?!

Верена хотела схватить меня за волосы, но промахнулась и зацепила укутывающую меня ткань. Дернула, полотнище послушно скользнуло к ногам, а Верена попыталась меня исцарапать. Пришлось перехватить ее руки и, уже отворачиваясь от окна, я почувствовала скользнувший по спине взгляд Ладислава.

– Что скажет хозяин, когда я пожалуюсь ему на тебя, – мешая служанке исцарапать себя, прошипела я, и Верена отступила.

– Дрянь блудливая.

Она едва не сплюнула на пол. Удержал, наверное, только толстый ковер.

– Одевайся, чтобы я не видела твое бесстыдство!

На этот раз я решила послушаться и нырнула в рубашку, после чего натянула панталоны. Жутко неудобные, но стрингов здесь не водилось. Что буду делать во время месячных, если доживу здесь до них, старалась не думать.

Изо всех сил, а сил у нее было немало, Верена затянула корсет так, что я еле могла дышать. Видимо, платье было рассчитано немного на другие размеры и повисло на мне, как на

вешалке, только грудь соблазнительными холмами просвечивала сквозь кружево. Даже сама залюбовалась.

Верена тем временем грубо закрутила волосы на затылке, перевила их черной бархатной лентой и, закрывая лицо, прикрепила вуаль.

Глава 7. Прощание

Преисполненная достоинства Верена вышагивала впереди, я за ней. Так мы прошли по длинному коридору. По пути постоянно попадались перевязанные черными лентами букеты белый лилий. На фоне затянутых стен, завешанных темными тяжелыми гобеленами, они производили гнетущее впечатление, впрочем, соответствующее печальному событию.

Мы шли, а я думала, что здесь используют в качестве освещения? Если свечи, как у нас в стародавние времена, вроде, ничего не намекало на наличие электричества, то при таком обилии ковров и гобеленов, достаточно небольшой искры, чтобы мы сгорели, не успев и пикнуть. Ну никакой пожарной безопасности. Безобразие!

Наконец, коридор закончился тупиком и небольшой площадкой, вдоль стен которой стояли полукруглые диваны, разделенные подлокотниками–столиками, на которых были накрыты напитки и закуски.

Дверь в комнату была приоткрыта, и оттуда доносился еле различимый ропот.

Верена затормозила, не решаясь войти первой и, пропустив меня вперед, втолкнула в комнату к... покойнику.

Я невольно отшатнулась, но сразу же уперлась спиной в пышную грудь служанки.

– Иди, попрощайся, неблагодарная! – прошипела она и снова толкнула меня в спину.

Не удержавшись, я сделала пару шагов, народ расступился, и я оказалась в первом ряду рядом с Ладиславом.

– Подойди, попрощайся, – глухо сказал он, покосившись на меня и задержавшись на укрытом кружевом декольте.

Признаться, не очень хотелось приближаться к незнакомому покойнику, но, боюсь, собравшиеся, а мне показалось, что это преимущественно слуги, не поняли бы Мелиссу. И, чтобы избежать разоблачения, я сделала еще один шаг, приближаясь к кровати.

Ногти впились в ладони, ноги еле слушались. Надеюсь, все спишут на оцепенение от горя.

Под ногой что-то хрустнуло, и я вздрогнула, как от выстрела. Отшатнулась и посмотрела вниз – на полу лежало ручное зеркало в витой металлической оправе и с длинной ручкой. Покрывающая его паутина трещин странно напоминала ту, что расплзлась по моему лобовому стеклу.

Не двигаясь, я стояла и смотрела на разбитое зеркало. Как все непонятно, странно и подозрительно.

– Отец не удержал зеркало, и оно разбилось. После этого ты разрыдалась, выбежала из комнаты и сбросилась с утеса, – подойдя со спины, тихо сказал Ладислав.

Казалось, что он должен слышать, как скрипят мои мозги.

Эта схожесть трещин, и я сюда неизвестно как попала. А зеркало разбилось перед самой смертью старика, и Мелисса сразу же побежала топиться. Не связаны ли между собой разбитое зеркало и моя авария? Вдруг зеркало – это проводник между двумя мирами? Вдруг именно так я сюда и попала?

Бред!

Потрясла головой.

Такого просто не может быть. Но ведь есть же!

Ладислав обнял меня за плечо и крепко прижал к своей груди.

– Пора, Мелисса. Прощайся с отцом, – его голос срывался от сдерживаемых рыданий.

По-человечески было, конечно, его жаль. Потерять отца – такого не пожелаешь никому, но меня не оставляла мысль, что он назвался моим хозяином, а сейчас выказывает явное расположение. Что будет, когда скорбь траура отступит и жизнь предъявит на него свои права?

Для кого Мелисса берегла себя?

Мне необходимо это выяснить и придумать как нам вернуться каждой в свое тело.

Раздумывая над этими чрезвычайно важными вопросами, я подошла к ложу, коснулась ног, потом рук. Я не смогла поцеловать покойника. Сдерживая дрожь от разливающегося по спине холода, коснулась его лбом и, благодаря скрывающую лицо вуаль, отошла.

Ладислав сразу же меня обнял и, поглаживая по волосам, прижал голову к своей груди.

Несколько по виду сильных мужчин подняли простыню с телом и понесли вниз. Потом печальная процессия вышла и замка.

Глава 8. Склеп

По-летнему горячо светило солнце, легкий ветер заигрывал с верхушками деревьев и секретничал с листьями, звонко пели птицы, томно вздыхало море. Пахло солью, прогретыми травами и цветами. Все было полно жизни и так не вязалось с лежащим на простыне неподвижным телом, что казалось будто это игра. Неуместная, глупая, но игра. Мужчина сейчас встанет и скажет, что всех разыграл, но процессия продолжала идти под женское всхлипывание и мужское сморкание.

Мы шли по каменистой дороге к почти отвесной скале, в толще которой виднелась пещера – видимо, семейный склеп, потому что именно туда занесли тело, опустили в каменный саркофаг и задвинули надгробие.

В пещере было темно, только желтые отблески от нескольких свечей плясали на неровном своде.

Словно повинуясь неслышному приказу, все расступились, а Ладислав прижал меня к стене.

Медленно и тожественно в пещеру зашел... наверное, священник. По мере того, как он приближался к саркофагу, пещеру наполняло ярко-белое свечение. Непонятно откуда оно исходило. От белоснежной одежды ли служителя культа или от него самого, но пещера проявилась вся. Она оказалась совсем немаленькой с чем-то наподобие алтаря в глубине. Перед ним стояли каменные скамьи. Видимо. Здесь проводятся службы. А по стенам стояли такое же саркофаги, в который положили старого хозяина.

Как все странно и непонятно.

Священник подошел к усыпальнице, положил ладонь на крышку и, клянусь, я увидела, как тот же белый свет появился из ладони, на миг окутал камень и проник внутрь. В то же миг исчезли все зазоры и крышка словно срослась с самим саркофагом, запечатав тело внутри.

Магия!..

Я поймала себя на том, что смотрю, приоткрыв от удивления рот.

Словно почувствовав мой взгляд, священник поднял на меня глаза и долго всматривался, словно пытаюсь понять я это или не я.

Я вся сжалась, ожидая, что он сейчас укажет на меня и объявит самозванкой, после чего меня так же, только заживо, замуруют в камень.

Но он только нахмурился, покачал головой, пожевал губами и отправился к алтарю. Сначала за им последовал свет, а затем и мы.

Священник поднял глаза к потолку и начал молитву.

Опасаясь, что сделаю что-то не так, я осмотрелась – Ладислав сцепил руки в замок и уперся в него лбом.

Я повторила, тем более, что эта поза помогла скрыть замешательство и слушала слова молитвы.

Священник просил Светлейшего принять душу почившего, открыть для нее Сияющие Врата и успокоить Ясных куцах.

Странная религия, чем-то напоминает христианство. Видимо, мне предстоит еще с ней познакомиться.

Священник закончил молитву и в покоем на благословение жесте поднял руку.

Сияние распространилось по пещере и укрыло всех, кто в ней был.

Не знаю, как другие, но меня словно наполнило радостью и легкостью. Будто все проблемы отступили и осталось чистое, ничем не замутненное счастье.

Пожалуй, мне здесь нравится.

Служба закончилась, и мы вернулись в замок.

– Хозяин, у меня все готово. Сейчас накрою вам и Мелиссе в столовой, – сразу же засуетилась Грета.

– Подождет, Грета, – остановил ее Ладислав. – Сначала мне надо поговорить с Мелиссой. Наедине. Иди в библиотеку, – не поворачиваясь, велел мне.

Вот знала бы я еще где здесь библиотека.

– Хозяин, – едва не плача, Грета всплеснула руками. – Поешьте сначала за упокой несчастной души. Дела подождут.

– Итак долго ждали. Иди, Грета, – в голосе прозвучало что-то похожее на ласку, которая впрочем сразу же исчезла, стоило Ладиславу повернуться ко мне. – А ты чего застыла? Иди в библиотеку. Или думаешь, что мои распоряжения выполнять не обязательно?

– Я не помню, где библиотека? – как могла более горестно вздохнула я.

Ладислав ответил мне полным недоверия взглядом. Кажется, он подозревал меня в притворстве. В общем – то не сильно и заблуждался.

– Пойдем, – взял меня за руку и повел из гостиной.

Последнее, что я увидела – довольно ухмыляющееся лицо Верены.

Глава 9. Лицом к лицу

Кажется, от предстоящей беседы мне не стоит ждать чего-то хорошего. Я обреченно плелась следом за Ладиславом. Лишь бы не разоблачили, а остальное переживу.

Мы оказались в не очень большой комнате. Потрескивающий в камине огонь, бросал желто-красные блики на стены, отделанные светлым, почти медовым деревом, на высокий стол со множеством ящиков (кажется, такое сооружение называется конторкой), на кресло с темными резными подлокотниками и подушками, обтянутыми бордовым гобеленом. Тяжелые, подхваченные шнурами портьеры затеняли окна и почти не пропускали солнечный свет, поэтому в комнате царил полумрак, только тускло отсвечивали стеклянные дверцы многочисленных шкафов.

Ладислав прошел за стол и опустился в кресло с высокой глянцевої спинкой. Я тоже осмотрелась, увидела стул и только хотела присесть, как меня остановил надменный голос.

– Я не разрешал тебе сесть.

Я так и застыла – подобрав широкие юбки и согнув колени. Не самая удобная поза, надо сказать.

Он смеется?

Я вопросительно глянула на молодого человека, но он и не думал улыбаться. Вскинув голову, смотрел на меня холодно и свысока.

– Я так и думал, – подождав, но не дождавшись от меня какой-то вменяемой реакции, проронил Ладислав. – Пользуясь покровительством отца, ты совсем забыла свое место.

Ах вот оно что! Социальное неравенство, будь оно неладно.

– Простите, хозяин, – последнее слово я выделила с особым почтением и сделала такой глубокий книксен, что в этой ситуации он выглядел почти неприлично, поскольку ясно говорил об отсутствии у меня всякого почтения и уважения к молодому господину. – Я, действительно, забылась. Прошу, простите вашу покорную слугу, – колени уже дрожали, но я присела еще ниже и, кажется, взгляд Ладислава заблудился в декольте, эфемерно прикрытым кружевом.

С грохотом кресло отлетело к стене, а Ладислав оказался на ногах и гневно сверкнул серыми глазами.

– Я думал, что со смертью отца будешь вести себя скромнее, но ты стала еще более дерзкой, словно только он сдерживал твой дурной нрав. Придется самому взяться за твоё воспитание, раз он не сумел, – Ладислав подходил ко мне и одновременно закатывал рукава черной сорочки, словно собирался немедленно приступить к воспитанию.

Что он намерен делать?

Я не успела испугаться, как оказалась пригвожденной к стене, а Ладислав стоял так близко, что я чувствовала тепло его тела. Он поднял руку и поднес к моему лицу.

Неужели ударит?

Я невольно зажмурилась и слегка отвернула лицо, ожидая, что вот-вот хлесткий удар обрушится на щеку.

ЛАДИСЛАВ

После того, как ее спас, Мелисса странно изменилась. Неужели настолько забылась, что позволяет себе открыто на меня смотреть.

А я не могу видеть ее глаза – светло-карие, прозрачные, с более темными крапинками. Они словно заглядывают прямо в душу и спрашивают – за что ты обходишься со мной столь грубо. Но это раньше, а сейчас они слегка удивленные и немного растерянные, будто Мелисса не понимает что она здесь делает. Но я ей напому. Прямо сейчас напому.

Мелисса как раз собиралась присесть в кресло, но я грубо одернул ее, напоминая ее место в этом доме. Моем доме. Отец совсем ее разбаловал. Хотя, прислуга знает о ее истинном положении.

– Простите, хозя-аин, – протянула Мелисса.

Издевка? Она настолько осмелела? Да что с ней происходит?

А она тем временем присела еще ниже, предоставив мне беспрепятственно рассматривать свою грудь.

О, Боги и вся нечисть!

Я сразу же вспомнил ее обнаженные плечи и спину, обозначившееся под тканью полукружье груди! Удивленный, но совсем не стыдливый взгляд. Взгляд не перепуганной Мелиссы.

Что с ней произошло за все то время, что меня не было дома?

Кровь с ревом неслась по жилам и ударила в голову.

Что она со мной творит? Нельзя! Неправильно испытывать к ней влечение!

Я вскочил и отбросил кресло. Как может простолюдинка, подневольная девчонка быть настолько хороша. Кем была ее мать?

«Простолюдинка!» – сверкнула в голове спасительная мысль. – «Я поставлю ее на полагающееся место. Она голову не поднимет от черной работы. Может, тогда ее сияющая красота потускнеет».

– Я думал, что со смертью отца будешь вести себя скромнее, но ты стала еще более дерзкой, словно только он сдерживал твой дурной нрав. Придется самому взяться за твое воспитание, раз он не сумел, – не в силах противостоять себе, я приближался к ней. Как же она была хороша в своем траурном платье, подчеркивающим бледность кожи, а глаза сияли еще ярче. Черное кружево вуали оттеняло блестящий каштан волос.

Мелисса отступала, но при этом дерзко смотрела мне прямо в глаза. Откуда подобная смелость?

Грудь, очертания которой отпечатались у меня в памяти пылающим клеймом, вздымалась под тонким кружевом.

Что она со мной творит!

Мелисса оказалась у стены – больше ей отступить некуда, а я вплотную приблизился к ней.

Огромные глаза, в глубине которых притаилось множество вопросов, подрагивающие розовые губы. И так хочется к ним прикоснуться.

Словно одурманенный колдовством, я поднял руку, собираясь очертить контур бледной щеки, но Мелисса зажмурилась и отвернулась, возвращая меня в тот день, за который я до сих пор не мог себя простить.

Глава 10. Беседа

– Тебе это больше не пригодится, – Ладилав сорвал закрывающую лицо вуаль, выдернув заодно и булавки. Я вскрикнула от боли и распахнула глаза. – Нечего на меня тарашиться и умолять сжалиться... – он замолчал, и на щеках перекатывались желваки. Затем отшвырнул вуаль в камин, где пламя с удовольствием набросилось на кусок кружева. – Хватит корчить благородную госпожу. Ты простая служанка, Мелисса... Хотя, подожди. Это имя тоже больше подходит благородной девушке, а не прислужнице. Отныне ты будешь Лисса. И одеваться ты будешь согласно своему положению. Поняла? – он с трудом отвел взгляд от моей груди.

– Разумеется, хозяин, – я снова присела, чтобы улучшить ему обзор, да еще и немного склонила голову к плечу, открывая шею.

При таких закрытых платьях, для Ладислава любой кусочек тела уже эротика. Я еще помню как жадно он рассматривал меня, когда стояла в окне. Уж не этим ли вызвана его злость? В таком случае, раз он вымещает ее, ухудшая мою жизнь, то и я не буду облегчать ему общение со мной.

– Сегодня чтобы была в мое комнате! – и, скрипнув каблуками, он отвернулся.

Кажется, мой маневр достиг цели, но не переусердствовала ли я? Что значит быть в его комнате? Охамел?

Словно почувствовав мое замешательство, Ладислав нехотя обернулся.

– Ты же служанка. Приготовишь комнату ко сну. Только не попадайся мне на глаза. А сейчас – вон на кухню. Там твое место, – и снова отвернулся. Вот только в окне, наполовину закрытом портьерами было прекрасно видно мое отражение, и Ладислав не сводил с него глаз.

– Как прикажете, хозяин, – я снова глубоко присела, и повернулась к двери, постаравшись сильнее качнуть бедрами, чтобы взметнувшиеся юбки приоткрыли щиколотки.

Знаю, неправильно так вести себя в доме, где только что лежал покойник, но уж больно Ладислав выбесил меня своим высокомерием.

Спустилась в гостиную и... растерялась. А куда дальше? Дома-то я не знала. Если Ладислав застанет меня здесь, то подумает, что ослушалась его приказа. Сбежать в парк? А вдруг пойдет на кухню и проверит? Что делать?

Я стояла посреди комнаты, как солнечные часы и, прикусив палец перчатки, думала что же делать дальше, но мне на помощь появилась Грета.

– Детонька, что ты здесь стоишь? – взмахнула она пухлыми руками. – Иди, скорее в столовую. Сейчас будем поминки подавать.

– Хозяин сослал меня на кухню, – вздохнула я. – Покажете мне куда идти, а то, после того, как ударила головой, я мало сто помню.

– Да как же так?! – запричитала Грета. – Виданное ли дело, чтобы тебя, да на кухню! Сердца у него что ли нет? Старый хозяин поди в усыпальнице перевернулся. Ведь он же тебя как госпожу воспитывал. Вон, и ручки у тебя какие, – она взяла меня за руку и поднесла к глазам, – Беленькие, тоненькие, нежные. Что с ними будет после кухни?

– Ничего, Грета, – ответила я. – Он хозяин, и его право отправлять меня туда, куда посчитает нужным.

– Злыдень-то ведь какой! – проворчала Грета. – А каким был ласковым ребенком. Хоть тебя и сторонился, но я всегда думала, что он просто стеснялся к тебе подойти.

– Ты так думаешь? – я заинтересованно посмотрела на Грету. Вот у кого можно черпать информацию по неизвестной мне пока Мелиссе.

– Конечно! Ну, может, немного ревновал. Хозяин всегда запирался с тобой в мастерской. Вы подолгу там сидели. Что делали – никто не знал.

– Мастерской? Что за мастерская – еще больше заинтересовалась я. Если проводила там много времени со старым хозяином. Может что-то сможет пролить свет на то, как я здесь оказалась и, самое главное, как вернуться обратно и вернуть Мелиссу.

– Грета! – зычный окрик прервал кухарку на самом интересном. – Мы обедать сегодня будем? Пусть подает новая служанка!

– Ты что ль, – округлив глаза, Грета недоверчиво посмотрела на меня.

– Она-она, – донесся из-за угла ехидный голос Верены.

– Я, Грета, – вздохнула я. – Покажи, где у вас кухня и что куда нести.

Глава 11. Ужин

Кухня была... Она была огромной. Наверное, в ней без труда разместилась и бы и сотня поваров. Ничего удивительно, что Грете было куда расти. Она расхаживала по своим владениям с достоинством царицы.

– Вот, у меня уже все готово, – она без труда подняла огромное, по виду серебряное блюдо, на котором вольготно разлеглась здоровенная, посыпанная зеленью рыбина.

Я принялась – запах показался незнакомым. У нас такие пряности не растут, но рот все равно наполнился голодной слюной. Попыталась вспомнить когда же последний раз ела, и получилось, что вчера днем, а с тех пор прошло уже больше суток. Неудивительно, что желудок нетерпеливо сжимался.

– Грета, – жалобно попросила я. – Дай что-нибудь поесть, а то голова кружится от голода, – и для надежности закатила глаза.

– Ой, детонька! Ты ж со вчера ничегошеньки не ела! – она бросилась к огромному каменному столу, достала из корзины румяный каравай и прижала его к пышной груди, намереваясь откромсать хорошую горбушку.

– Вот прислуга наглая пошла, – в кухню вплыла Верена и неспеша уселась на лавку, предварительно тщательно расправив пышную юбку. – Еще хозяин голодный, поминки не справлены, а она уже лопает.

Она выгребла из второй корзины горсть ягод и с удовольствием принялась уплетать.

– Уж ты, заноза, молчала бы, – замахнулась Грета, и Верена с визгом увернулась от хлестнувшего по столу полотенца

– Грета!

От очередного раската, казалось, содрогнулись массивные стены.

– От же ж, нетерпеливый какой. Поесть девоньке не даст. Ну, иди, – кухарка с легкостью подняла поднос и вручила мне.

– Ого! – я даже согнулась и чуть не выронила его.

И это все одному Ладиславу? Не обожрался бы, болезный.

Я с трудом подняла блюдо и поплелась в столовую, куда махнула Грета.

По тому, как ноги заскользили на натертом паркете, я поняла, что покинула половину прислуги. Широкие двери с искрящимся гранями стеклом были распахнуты, и я беспрепятственно прошла в светлую, залитую светом столовую.

Ладислав восседал во главе длинного, накрытого белоснежной скатертью стола.

Пышный букет белых лилий придавал обстановке какую-то мертвенную тожественность, что, впрочем, соответствовало печальному событию.

Пустая тарелка, а поверх нее перекрещенные нож и вилка грустно напоминают, что один из тех, кто здесь сидел, больше никогда не присоединится к трапезе.

– Ваш обед, хозяин, – едва сдерживаясь, чтобы не хрипеть и не отдуваться, я поднесла золотисто поблескивающую рыбу.

Он, падла такая, снисходительно глянул, сморщил аристократичный нос и презгливо скривился.

– Унеси это. Разве не видишь, у меня красное вино.

Вот только и делаю, что шастаю по его столовым, чтобы посмотреть какое вино изволят их сиятельство пить.

– Принеси мясо, – засранец взял салфетку, снял кольцо с, видимо семейным, гербом и элегантно положил на колено.

Не знаю, как я удержалась, чтобы не опустить блюдо на его башку. Наверное, просто не хватило сил, чтобы поднять на такую высоту.

– Слушаюсь, хозяин, – оскорбительно почтительно пропела я. – Какое мясо предпочитаете? Кого мне прикажете прирезать? Поросеночка, телянчика или ягненка? Прямо с кровью на стол подать?

– Будешь дерзить, отведаешь плетки, – с устрашающим хладнокровием предупредил он. Как-то сразу стало понятно, что не шутит. Тогда почему так обнимал на берегу, когда спас? Почему целовал. Или все это мне привиделось в бреду? – Неси мясо.

Глава 12. Непредсказуемая перина

Да чтобы оно у тебя не в то горло попало.

Круто развернувшись, так, что из-за тяжеленного блюда меня занесло, повело, и только чудом избежала столкновения со стеной, я отправилась на кухню.

– Что случилось, детонька?! – встретил меня испуганный возглас Греты.

– Наверняка, хозяину не понравилось как прислуживала, вот и прогнал, – донесся медово-язвительный голос Верены.

– Хозяин изволят пить красное вино и потребовали мяса, – грохнув блюдо на стол так, что едва не раскололся камень, ответила я сразу всем.

– Что это с ним? – Грета вскочила с лавки и бросилась в какой-то чулан. – Сам же просил рыбу приготовить. Что же теперь?! Как же! – глухо, как из бочки доносился ее голос.

– Наверное, уже мутит от запаха Мелиски, – предположила Верена.

Ну ехидна, ты у меня дождешься!

– Ее же как из воды вытащили, так рыбой и воняет.

Хихикая, Верена откусила румяный пирожок, а я чуть не захлебнулась слюной от густого мясного запаха.

– Поговори еще, злыдня! – прикрикнула на нее вернувшаяся Грета.

Она водрузила истекающий розовым соком кусок прямо на каменную поверхность стола, протерла солью, полила каким-то соусом и присыпала травами, распространяющими пряный аромат.

Я пристроилась рядом и злорадно наблюдала – чтобы запекся такой кусок, надо часа два-три, а то и больше. И все это время Ладислав будет сидеть в столовой один и голодный. Так ему и надо!

Грета тем временем продолжала водить ладонями вокруг куска, будто разглаживала тесто, и под руками появилось красно-оранжевое свечение.

Может, мне все только кажется? Я сморгнула и присмотрелась получше. Лучше бы этого не делала – от увиденного, глаза в буквальном смысле полезли на лоб – световой шар под руками Греты наливался багрянцем, а кусок мяса шипел, потрескивал и покрывался зажаристой корочкой.

– Ну вот и готово. Неси, Лисонька, – устало сказала Грета, когда шар растворился в воздухе, и потеряла раскрасневшиеся ладони.

Сначала я только пучила глаза и беззвучно открывала рот, как выброшенная на сушу рыба, потом смогла совладать с голосом.

– Это?.. Что?.. Это что было? – тыча пальцем в покрытый хрустящей корочкой кусок мяса, смогла наконец сформулировать хаотично мечущиеся мысли.

– Совсем ненормальная, – удовлетворенно заявила Верена и с аппетитом облизнула пальцы.

– Ты чего, девонька! Не пугай меня!

Грета с размаху шлепнулась массивным задом о скамью. Даже развешанные по стенам пучки ароматных трав заколыхались.

– Ты же не раз видела, как я готовлю, – она обхватила ладонями круглые щеки. – Еще и помогала всякие заковыристые штучки делать. Что же с тобой приключилось?

– Как была дуручкой, так и осталась. Ой! – Верена подскочила, когда тряпица с громким шлепком опустилась ей ниже спины. – Ее к хозяину – то страшно допускать. Кто знает, что придет в ненормальную голову! – крикнула она, прежде чем скрыться за дверями, а запущенная вслед кружка с металлическим лязганьем врезалась в стену.

– Так головой же я ударилась, Грета. Вот память и повредилась, – как можно более невинно ответила я и понесла Ладиславу заказанное мясо.

– Ваш обед, хозя-аин, – пропела я, опуская на белоснежную скатерть очередное блюдо.

– Порежь, положи. Не знаешь как полагается? – он наблюдал за мной, откинувшись на высокую спинку.

Ох, зря предлагает мне взять нож. Не факт, что порежу только мясо. Права была Верена – нельзя меня подпускать к Ладиславу.

Но стиснула зубы и аккуратно срезала влажно-розовый изнутри кусок – средней прожарки, все как я люблю. Сглотнула слюну и переложила мясо на широкую тарелку, от души добавив овощей.

– Приятного аппетита, хозя-аин.

Чтоб ты подавился.

– Вина налей, – Ладилав кивнул на бутылку.

А у самого руки отвالتها?

Но проглотила язвительные слова. Взяв свежую салфетку, я сложила ее полоской и повязала вокруг голышка, потом налила вино в бокал и, уже поднимая бутылку, слегка провернула ее, чтобы капли аккуратно стекли.

Кажется, мое пожелание сбылось, и мясо застряло у Ладислава в горле.

– Это ты что сейчас сделала? – прокашлявшись спросил он.

Где?

Я испуганно осмотрелась, пытаюсь догадаться в чем допустила ошибку – все приборы на месте, ничего не упало, скатерть не испачкана.

– Вот это, – Ладислав покрутил вилок около бутылки.

Вот, блин! Эти невежды не знают, что в приличных домах и ресторанах так принято.

– Это последняя мода, – со знанием дела заявила я. Главное быть увереннее и наглее и не позволить сомневаться в своих словах.

– Это когда тонула тебя осенило? – осторожно спросил Ладислав и заглянул в глаза.

– Я давно уже знала, но не было возможности сказать. Вот сейчас вспомнила, – продолжала я вдохновенно врать под недоверчивым взглядом Ладислава.

– Ладно, иди, приготовь мне спальню.

Он, видимо, тоже решил держаться подальше от сумасшедшей. Мне же лучше.

– С вашего позволения, – вспомнив все известные мне исторические фильмы, присела в книксене и взметнула юбками.

Надеюсь, вид моих щиколоток заставит очередной кусок застрять в горле.

Дорогу я помнила, слава богу, новая память не подводила, поэтому без затруднений нашла спальню, где провела ночь.

Раздернула тяжелые портьеры и распахнула окно, впуская свежий морской ветер. Подвязала балдахин и принялась за постель. Первым делом сдернула белье, все еще хранившее запах лилий.

Наверное, стоит взбить перину.

Только я приступила и воткнула кулаки в мягкие бока, как она взмыла в воздух, а я завизжала, соревнуясь в пронзительности с пожарной сиреной.

Чего-чего, но такого я ни от себя, ни от перины не ожидала.

Отскочила в угол и прикрыла голову руками, будто она сейчас нападет на меня.

Глава 13. Ромашка

– Что случилось?!

Я даже не сразу поняла от чего вздрогнула – то ли от того, с каким грохотом дверь, распахнувшись, ударилась о стену, то ли от грозных раскатов голоса.

– С тобой все в порядке?

Руки Ладислава (ну а чьи еще?) огладили волосы, проверяя все ли в порядке с головой, потом плечи, руки, скользнули по груди, задержались на талии, а потом, обхватив, прижали к широкой груди.

– Цела? Не поранилась? – бормотал Ладислав куда-то поверх моего уха, а я, немного осмелев, решилась раздвинуть пальцы и посмотреть что же творится в комнате – перина все так же мирно висела над кроватью и не думала ни на кого нападать.

А вот с Ладиславом что-то происходило. Я чувствовала, как напряглись обхватившие меня руки, а он замер, словно превратился в каменное изваяние, затем оттолкнул и отвернулся.

Тьфу ты! Гадание на ромашке, блин: «любит – не любит». Вот и думай теперь, что сделает дальше: плюнет, поцелует, к сердцу прижмет или к черту пошлет. Судя по виду, он склонялся к последнему, но сдержался.

Внимательно рассмотрев парящую в воздухе перину, щелкнул пальцами, и она мягко опустилась на деревянное основание, но при этом по всей поверхности проскакивали голубоватые, словно электрические искры

Я испуганно отшатнулась.

Ладислав приблизился к ложу и какое-то время внимательно его изучал.

– Ты что наделала?

Он повернулся ко мне, а серые глаза сверкали неподдельной злостью.

Прячась в коридоре от гнева хозяина, давилась смехом Верена.

– Отвечай! Решила и от меня избавиться?

Он надвигался на меня сердитый, опасный. Кажется, порка становится все более реальной, и я почувствовала, как по спине пробегает холодок.

– Не знаю, – совершенно искренне ответила я. – Только хотела взбить, а она... Я не хотела. После того, как я чуть не утонула, все идет не так, и я не знаю почему, – растерянно вздохнула и жалостливо посмотрела на Ладислава.

– Как была никчемной, так и осталась, – послышался за спиной приторный голос.

Поймав мой взгляд, Ладислав резко отвернулся к окну.

– Убирайся, – произнес вполголоса.

Но я стояла, как вкопанная, рассматривая его напряженные плечи, сцепленные за спиной руки, пока не подпрыгнула от нового окрика:

– Убирайся я сказал! И пришли сюда Грету, – и сразу же следом: – Верена!

– Что пожелаете, хозяин, – скользнув мимо меня, пропела она.

– Молчи о том, что видела!

– Хозяин, – ластящейся кошкой начала она, так и захотелось дать пинка. – Она же покушалась на вес. Не правильнее ли будет отправить ее в подвал?

– Поспорить решила? Давно хозяйкой стала? – Ладислав повернулся, и в глазах вспыхнул ледяной огонь. – Ты еще здесь?

– Уж нет, – пискнула я и метнулась к лестнице.

Последнее, что увидела, это то, как Верена подошла к портьерам и потянула, закрывая вид на темнеющее море, и снова в желании дать хорошего пинка под ее круглый зад стала нестерпимо зудеть нога.

– Грета! Грета! – ворвалась я на кухню.

– Што шлушилошь? – от неожиданности Грета подпрыгнула, а поскольку уже начала есть отвергнутую Ладиславом рыбу, то уронила кусок на необъятную грудь.

Смачно шлепнувшись, он расплылся по платью жирным пятном.

– Ну что ты наделала? – воскликнула Грета, единственная, кто здесь ко мне нормально относился. – Разве можно так пугать людей? Чуть сердце не оборвалось!

– Я не хотела! – всхлипнула я, чувствуя, как щиплет в носу и начинают гореть глаза.

Вообще-то, я не плакса. Но, видимо, слишком много всего свалилось за последние сутки, и нервы не выдержали.

– Я вошла, а там перина. Я хотела взбить, а она... Я ничего не понимаю, а Ладислав зовет тебя, – уже в голос выла я.

– Да что же ты реवेशь-то? – Грета сразу забыла о рыбе. – Обидел тебя кто?

Я только мотала головой и редела.

– На, поешь, – придвинула мне еще теплый кусок. – Я узнаю, что хозяину понадобилось и вернусь. Тогда ты мне все и расскажешь. А сейчас, успокойся и покушай, – она погладила меня по голове, потом что-то такое сделала с платьем, из-за слез я не рассмотрела, пятно исчезло, и Грета вышла из кухни.

А я, все еще шмыгая и вздыхая, принялась за рыбу и раздумья.

Глава 14. Все чудастее и чудастее

Что это за место такое, где кухарки без огня готовят еду, перины превращаются электрический стул и взлетают, а пятна отстирываются мановением руки?

И как мне здесь выжить?

Да еще и Ладислав, ведет себя как девочка-пмсница. То кидается и обнимает, то рычит, как раненый медведь. Что ему сделала Мелисса, что он видеть ее не может, но и не отпускает.

Размышляя, я ковыряла рыбу, которая оказалась нежной и очень вкусной.

Задумалась, вспоминая, как Ладислав обхватил меня и ощупывал, проверяя, целая ли я, а потом его словно отбросило от меня. Будто я не человек, а как минимум, черная мамба.

Стало грустно.

Очнулась только когда попыталась подцепить очередной тающий во рту кусок, а вместо вилки в руке оказалась блестящая и вся в тонких завитках подвеска.

А где вилка?

И я снова разревелась.

Такой всхлипывающей над превратившейся в подвеску вилкой меня и застала Грета.

– Чего опять? – поинтересовалась она.

– Прости, – я показала узорчатую безделушку.

– Ох, девка! Одни убытки от тебя, – воскликнула она, шлепаясь на скамью. – Но не переживай, Хозяин все исправил и больше не сердится, – похлопала меня по руке. Потом еще посмотрела на украшение. – А красиво вышло. И как только у тебя получается? Неужто в роду знатные господа были?

– Знатные, не знатные, – Верена тоже нарисовалась на кухне. – А неумеха, она и есть неумеха. Подвесочку отдашь?

Выхватила у меня из пальцев украшение и стала прикладывать к своему выдающемуся бюсту.

– А почему знатные? – шмыгнув, спросила я.

– Да как же! – начала Грета, придвинув поближе румяный кусок рыбы и от души плеснув какой-то подозрительной на вид жидкости.

– Тебя хозяин зовет, – снисходительно обронила Верена, любуясь на себя в начищенное до блеска серебряное блюдо.

– А наш разговор? – я вопросительно посмотрела на Грету. Не терпелось поскорее разузнать о незнакомом для меня мире от простодушной кухарки. Верена-то слова по простоте не скажет.

– Ой, Лиссанька, ты уж ступай. Не зли хозяина еще больше.

– А то, точно, велит выпороть, – довольно ухмыльнулась Верена и чуть не получила от меня подзатыльник, чтобы впечаталась лобешником прямо в блюдо.

– А мы с тобой потом договорим, – кухарка махнула пухлой рукой, указывая мне на дверь.

Делать нечего, пришлось опять тащиться в спальню Ладислава. Что он на этот раз от меня хочет?

– Звали, хоз-аин? – и присела в глубоком поклоне.

Портьеры были снова раздвинуты, а Ладислав стоял у окна и смотрел на море.

Я видела, как его передернуло от моего преувеличенно почтительного тона, и, признаваясь, была этому очень рада.

Он порывисто повернулся и, прищурившись, осмотрел меня с ног до головы.

– Думал, ты переоденешься. Я смотрю, так и не поняла свое положение в этом доме? А впрочем, – он устало провел рукой по волосам, – носи, что хочешь. И можешь остаться в своей комнате.

Вот эти слова нагнали страху – ведь я даже не представляла, где находится моя комната.
– А сейчас помоги мне переодеться, – на смену страху пришло изумление.

Что я должна сделать?

А пятки ему не помассировать?

Но вовремя прикусила язык – мало ли, может в этом мире служанки массируют хозяевам пятки.

В том, что попала в какой-то незнакомый, загадочный, волшебный мир, я даже не сомневалась.

В детстве, читая «Алису в стране чудес», я мечтала повстречать белого кролика и попасть в сказку. И вот, попала. Попала, так попала. Оказалось, это не так уж и весело, как могло показаться.

– Ты что? Не собираешься меня слушаться? – черные брови сурово сошлись на переносице. Пальцы сжимались и разжимались, словно хотели обхватить рукоять хлыста.

Глава 15. Что скрывает ширма

Кажется, дальнейшее промедление чревато.

Выдохнула – что, я голого мужика не видела? – и сделала шаг, приближаясь к Ладиславу и снова замерла.

В комнате было светло. Сначала, занятая более важными размышлениями, я не заострила на этом внимание и не искала источник света, но стоило сделать шаг, как он обнаружился сам – отделившись от стены, два световых шара поплыли рядом со мной.

Что это?!

Попробовала отклониться от них, но настырные шары упорно следовали за мной.

Они опасны? Могут обжечь?

Я осторожно ткнула пальцем в один из них, но ничего, кроме приятного тепла не почувствовала. Подставила ладонь. Шар удобно в ней устроился и приобрел розоватый оттенок. Интересно, а в руке Верены станет какого цвета?

– Долго еще будешь играть со светильниками? – Ладислав выглянул из-за ширмы.

Как я ее сразу не заметила – достаточно высокая, чтобы скрыть Ладислава, который был далеко не карликом, лаковые деревянные рамы удерживали нечто, на вид напоминающее очень тонкую, почти прозрачную бумагу, расписанную охотничьими сценами.

Если бы увидела такую в своем мире, то предположила бы, что она стилизована под японскую, но существует ли здесь Япония, я не знала.

Черный сюртук повис на верхней перекладине, и я вздрогнула.

Хоть и была рада, что Ладиславу хватило ума не заставлять меня раздевать себя, но новые обязанности все равно были непривычны.

– Что застыла? Забери его, – прикрикнул он из-за ширмы.

Я поспешно стащила сюртук и повесила его на руку, а взгляд сам собой задержался на разрисованной бумаге.

Видимо, несколько светильников последовали за Ладиславом, потому что сейчас я наблюдала театр теней и не могла отвести глаз от того, как мелькали руки, расшнуровывая ширинку.

Интересно, они тоже носят панталоны, как и женщины?

Я даже затаила дыхание, дожидаясь когда Ладислав перекинет через ширму брюки. Но сначала на раме повисла сорочка. Блин! Пospешно стащила рубаху, ожидая продолжения средневекового стриптиза, а Ладислав накинул что-то длинное, видимо, халат.

Какая зараза положила туда халат?

У меня было чувство, будто подразнили, а потом из-под самого носа утащили офигенный десерт.

Ну кто так делает? Даже толком не рассмотрела что там под рубашкой, потому что полностью сосредоточилась на брюках, и в результате осталась ни с чем.

Вот и они повисли на раме, но ловить мне уже было нечего – все интересное прошло мимо.

Я собрала всю одежду и уже собиралась уходить, чтобы спросить у Греты что мне с ней делать, но Ладислав остановил:

– Подожди. Завяжи пояс, – попросил он, выходя из-за ширмы.

Станный он. Стараются унизить, отталкивают, а потом ищет возможность приблизиться – что творится у него в мозгах? Такое чувство, будто не я, а он стукнулся головой.

Но в этот раз я не стала пререкаться, а, перекинув одежду повыше, взялась за плотный пояс.

Взгляд сам собой скользнул по обнажившейся под распахнутым воротом груди, вдохнула уже знакомый аромат лилий и еще чего-то терпкого, но очень мужественного.

Признаться, я не спешила завязать узел, а Ладислав меня не торопил, рассматривая лицо, то, как пальцы касаются ворсистой ткани, как под кружевом вздымается грудь, и все сильнее стискивал челюсти, будто даже моя близость ему неприятна.

– Можешь идти, – бросил он и снова отвернулся.

Такие закидоны начали уже порядком раздражать. Может, подойти и прямо спросить, чем я его так злю? Если он видеть меня не может, то зачем постоянно зовет?

Занятая подобными размышлениями, я спустилась на кухню.

Глава 16. Сила воли

Преисподя ее заведи! Все не так!

Это совсем не та робкая, пугливая, немного наивная Мелисса, которую я знал.

Та Мелисса боялась бы поднять на меня взгляд, а эта, неизвестная мне Мелисса каждое распоряжение встречает с такой дерзостью и таким непримиримым огнем, горящим в кротких глазах, что невольно начинает захлестывать азарт – кто кого.

Пока победа остается за мной. Мелисса хоть и сверкает гневно глазами, но выполняет мои приказы, правда, не упускает случая если не словами, то тоном выказать неуважение. И это так несвойственное ей развязное поведение, то как она кланяется, выставляя на обозрение шею и грудь, как стремительно двигается, отчего выше, чем положено, взлетают юбки – все в ней притягивает, вызывает странное любопытство.

Откуда в ней появилось столько дерзости, где набралась таких манер?

Желая смутить и сбить спесь, я распорядился помочь мне переодеться ко сну.

На что рассчитывал?

На румянец смущения, робкое отнекивание, стыд, страх и позорное бегство.

Признаюсь, как последний трус я подсматривал из-за ширмы, и Мелиссе снова удалось меня удивить.

Сначала она с непонятным для меня любопытством рассматривала светильники, будто видела их в первый раз, а услышав мой окрик не вздрогнула, не испугалась, не отвела взгляд. Наоборот, стала рассматривать с нескрываемым интересом. Интересом, недопустимым для девицы, воспитанной, как отец воспитывал ее.

Вот и последнее испытание – сердце колотилось как сумасшедшее и едва не выпрыгивало из груди.

«Она служанка. Служанка. И это ее обязанность», – повторял я себе, выходя из-за ширмы.

Нечистый ее заведи! Я так долго собирался с силами, чтобы выдержать ее близость, а она собралась уйти?!

– Подожди, – остановил почти скрывшуюся Мелиссу. – Завяжи пояс.

И снова это удивление, застывшее в ясных глазах. Не испуг, не стыд, а именно удивление.

Мелисса беспрекословно подошла.

О, Светлейший! Только ты знаешь, какие греховные мысли она во мне вызывает. Зачем я на это пошел?

Ее взгляд скользил по моей груди, пальцы перебирали ткань пояса, а я думал только о ее губах, оказавшихся непозволительно близко, о нежной шее, которую, словно заигрывая, Мелисса показала мне в столовой. О тонкой талии, пленительном изгибе спины, мимоходом виденном мной в проеме окна.

Образы сменялись, а дыхание прерывалось. Желание обнять ее, коснуться этих розовых, никем не тронутых губ захлестывало штормовыми волнами и сводило с ума.

Но так не должно быть!

Сейчас я вижу перед собой служанку! Служанку, послушно выполняющую мои распоряжения. Тогда откуда это тяга к ней? Только невероятным усилием воли я удерживал себя на месте, до боли сжимая челюсти и боясь пошевелиться, чтобы не схватить ее и не забыть обо всем: о своем воспитании, о чести, об условностях света и, бездна ее заведи! О нашем проклятом родстве.

«Отец, как ты мог! Зачем ты привел ее в наш дом?» – мысленно простонал я.

– Можешь идти, – уже не в силах выносить ее присутствие, бросил я.

Тонкие брови удивленно приподнялись, а в ореховых глазах плескалось недоумение – снова не то, что я ожидал. Внешне оставаясь все той же нежной, как утренняя роза, Мелиссой, она неувовимо изменилась. Изменился ее взгляд, ее реакции на меня. Она больше меня не боится!

Мелисса ушла, а я чуть было не бросился следом – снова заглянуть в ее глаза и убедиться в своей догадке. Но вместо этого засунул себя в кровать и, разметавшись на всю ширину, смотрел на балдахин и пытался почувствовать отголоски того, что совсем недавно Мелисса спала на этом месте. Ее волосы лежали на этой подушке. Одеало укрывало ее тело.

Вспомнились кружевные оборки сорочки, в которую ее передела Грета. С мучительным стоном я перевернулся на живот и едва не вгрызся в подушку.

Глава 17. Расспросы Греты

Грету я застала одну. Видимо, Верена благополучно свалила. Нашим легче.

– Давай, я тебе помогу, – ласковой кошечкой я примостилась сбоку и заглянула через руку – Грета рассыпала на столе ворох травы и ловко разбирала ее на отдельные пучки.

– Не испортить только, – покосилась на меня толстая служанка и с кряхтением подвинулась.

Да, а вот это уже непростая задача, после электрической перины и превратившейся в подвесок вилки, я уже не знала, что от себя ждать.

– Грета, – начала я, осторожно выбирая тонкие былинки. – А почему ты сказала, что я искусная, несмотря на то, что неблагородная. Разве способности зависят от родовитости?

– Ты что, девка, совсем без ума осталась? – одна даже подпрыгнула и, сдвинув казалось, вросший в пол стол, рассыпала травы. – Ну вот! Опять от тебя одни неприятности!

– Сиди, я сама подниму, – я соскользнула на пол и принялась собирать траву. – Так что про способности? – напомнила я и просительно посмотрела на Грету снизу–вверх.

– Придуриваешься что ли? – недоверчиво посмотрела служанка, и я помотала головой.

– Ладно, слушай, раз с головой совсем плохо, – сжалась она. – Мы, которые слуги, а тем более невольные, можем–то что? Постирать, приготовить, прибрать, что починить. Кто своим ремеслом хлеб добывает, они поболее могут – белошвейки, например, кузнецы, обувщики, – перечисляла Грета. – Есть еще ювелиры. Они делают украшения, как вот ты Ренке сделала. Ни одна рабыня не сделает такую вещицу. Или зарядить перину – это вообще доступно только знати. И они обучаются управлять этой силой, чтобы не навредить другим. А у тебя–то как получилось? – ее глаза блестели любопытством.

– Не знаю, Грета, – вздохнула я, передавая ей пучки. – Я ничего не понимаю и ничего не помню, с тех пор, как Ладислав спас меня. Кто мои родители? Они могли быть знатного рода? Тогда почему Ладислав говорит, что он мой хозяин?

– Кто же знает, детонька, кто твои родители. Старый хозяин привез тебя из столицы. Махонькую, завернутую в пленки, но ты не плакала, а только внимательно всех рассматривала огромными глазами. Хозяин только сказал, что нашел тебя подброшенной на порог дома и не смог отказаться. А кто бы смог? Стоило столько взглянуть в твои глазенки, на розовые щечки, и растаяло бы самое ледяное сердце. Потом хозяин унес тебя к себе. Что уж он там делал, кто знает, но вот только тогда ты и расплакалась. Будто отошла от оцепенения. Так что, никто Лиссонька не знает, кто твои родители. Может, и благородная девица. Согрешила, да и подбросила к первому же богатому дому, а может...

– Грета! Попридержи язык.

И откуда он только появился? Вроде и говорил негромко, но Грета сразу же как–то съжилась, а ведь наверняка хотела сказать что–то полезное для меня.

– Чего хозяин изволите? – всполошилась она, а я так и осталась сидеть на полу.

– Я попить спустился, – на какое то мгновение его взгляд задержался на мне, но потом Ладислава так перекосило, будто увидел перед собой особенно противного таракана. – Грета, пойдем со мной, у меня для тебя будут распоряжения, – взглянув на служанку более приветливо, чем на меня, сказал и, круто развернувшись, вышел.

Что я ему сделала? Грету увел. Неужели не хотел, чтобы я что–то о себе знала? Что он скрывает?

Благодаря попыткам Ладислава что–то от меня скрыть, желание узнать о себе больше разгорелось все сильнее.

Глава 18. Ладислав. Причины злости

Заснуть никак не получалось. Я ворочался с боку на бок, но Мелисса никак не шла из головы. Что еще с ней сделать, чтобы забыть, выкинуть из головы. Отдалить от себя? Продать, чтобы больше никогда не видеть? Выдать замуж?

"Только не это!" – я даже не успел до конца додумать, как все внутри запротестовало.

Я не смогу. Не смогу не видеть ее, не слышать ее голоса. Не смогу знать, что больше никогда не встречу в коридорах. Только не это.

Захотелось пить. Я спустился на кухню и остолбенел – разметав юбки, на каменном полу стояла на коленях Мелисса и, склонив голову, отчего плавная линия шеи казалась еще более привлекательной, а выбившиеся из прически легкие каштановые завитки притягивали не только взгляд и мысли, но и руки, собирала рассыпанные травы.

Я не мог отвести глаз от изящных рук, от узкой гибкой спины, зажатой жесткими пластинами корсета. Но и видел, видел ее, не стесненную ничем, в золотом свете солнечных лучей, и теперь этот образ никогда не стереть из памяти, неважно как далеко отошлю его виновницу.

Воротник платья немного отошел и бросал на шею полную соблазнительных загадок тень, словно уговаривал одну за другой расстегнуть мелкие пуговицы, ровным рядом спускающиеся к самой юбке, затем раздернуть обе половинки и обнажить плечи. Такие хрупкие, такие беззащитные.

Я попытался сглотнуть, но было нечем – горло пересохло.

О, Светлейший! О чем я думаю!

Я зажмурился и помотал головой, стряхивая наваждение, только тогда расслышал голос Греты: – «...Так что, никто Лиссонька не знает, кто твои родители. Может, и благородная девица. Согрешила, да и подбросила к первому же богатому дому, а может...»

Только не это!

Молнией пронеслось в голове.

Не знаю почему, но я не хотел, чтобы Мелисса знала о нашем родстве. Можно было подумать, что я боюсь за наследство, что она будет претендовать на свою долю, как дочь моего отца. Я задумался, но эти мысли не вызвали никакого беспокойства. Тем более, что Мелисса незаконнорожденная, что вообще ставит под сомнение какие-либо права на имущество. Дело во мне и моем отношении к ней. Даже зная, что между нами невозможны никакие отношения, кроме братско-сестринских, претящих так, что становилось невозможно дышать, или же хозяин-рабыня, которые я предпочел, раз невозможны другие. Только так, защищаясь при помощи высокомерия от ее красоты, нежности и своей страсти, я мог удержать ее рядом. Она была мне необходима как воздух.

– Грета! – предупреждающе сказал я. – Придержи язык!

Служанка сначала замерла, а потом засуетилась, спрашивая что мне угодно.

– Пойдем, мне надо с тобой поговорить, – бросил я и, круто развернувшись, вышел из кухни, слыша за спиной тяжелую поступь кухарки.

Мы зашли в библиотеку, и я плотно закрыл дверь. Вряд ли Мелисса позволит себе подслушивать, но рисковать не стоило.

– Грета, – я повернулся, и служанка, ухватившись за обширную грудь, отступила. – Никогда! Слышишь? Никогда больше не заводи разговоров о происхождении Мелиссы.

– Хозяин Ладислав, так она сама спросила. Девчонка головой ударилась, ничегошеньки не помнит. Мучается страшно. Пожалела я ее. А ну как еще что натворит? Покалечит кого? Сил-то у нее, кажись. Много.

– Грета, – я приблизился на шаг к служанке, а она испуганно отступила, да еще и оглянулась, отыскивая возможность убежать. – Для всех Мелисса такая же служанка, как и осталь-

ные. Невольница. Рабыня. Отец умер, сохранив эту тайну. Неужели ты хочешь пойти против его последней воли?

– Нет, хозяин. Конечно, нет, – Грета подняла глаза, призывая в свидетели Светлейшего. – Но девчонку-то жалко. Сердце за нее болит.

– А если болит, то помоги ей побыстрее освоиться, покажи домашнюю работу. Может, и хорошо, что она память потеряла. Быстрее привыкнет к своей жизни.

Мой голос звучал жестко, я бы даже сказал – зло. Что не укрылось от Греты и, бросив на меня последний испуганный взгляд, она поспешила уйти.

– Следи за языком, иначе выпорю! – бросил я вслед.

Глава 19. Мелисса. Купание

Просыпалась я медленно. Лениво потягивалась на широкой кровати в окружении множества подушек.

Спасибо Грете, вчера она проводила меня в комнату Мелиссы, иначе я ни за что бы не догадалась, что она находится в том же крыле, что и комната Ладислава, только на этаж выше. Ну и что же, я люблю высоту, а карабкаться по винтовой лестнице – какнибудь переживем. Зато какой вид открывается из моих окон! Всегда в отпуске мечтала о таком – море! Зеленовато-голубое, на поверхности золотистое от стелящихся солнечных лучей, оно блестело и вздыхало, явно скучая без меня.

– Я иду! – воскликнула морю, солнцу, ветру и, взметнув длинным подолом сорочки, побежала в ванную.

Да! У меня была своя ванная. Только за это я готова без устали благодарить Ладислава, что позволил мне остаться во вроде бы моей комнате. Я очень сомневалась, что у Греты или Верены есть свои ванны и не представляла, как бы стала мыться в каком-то корыте.

С удовольствием опустила в каменную купель, и она сразу же наполнилась водой. Я с удовольствием поплескалась, потом понаблюдала, как вода стекает в появившееся отверстие – чудеса, да и только – и голышом вернулась в комнату. Подрагивая, от задувающего в окна свежего бриза, рылась в шкафу, разыскивая что бы надеть для купания – не платье же со множеством юбок и корсетом. Я только расшнуровываться до вечера буду.

О! Вот это подойдет! Выудила тяжелое, украшенное плотной вышивкой нечто. Длинное, в пол, с запахом и глубоким декольте, в моем мире сошло бы за вечернее платье, а здесь наверное было купальным или еще каким халатом, предназначенным исключительно для спальни.

Да и черт с ним! Главное, снимается легко. Я поспешно затянула пояс, сунула ноги в легкие шелковые туфли на плоской подошве и бесшумно сбежала с лестницы.

Тишина... Только на кухне слышались неясные шорохи. Кажется, Грета еще только проснулась и не спешит готовить завтрак.

«Успею искупаться и вернуться, пока все проснётся», – решила я и быстрее ветра выбежала на улицу.

Я не решила купаться под замковыми стенами и, задыхаясь во влажном, насыщенном солью воздухе, бежала прочь от замка до тех пор, пока он не исчез за крутым поворотом берега.

Только тогда я скинула халат, тапочки и с разбегу врезалась в теплые волны. Они сразу же обняли, подхватили, закрутили, лаская и увлекая на глубину.

Они дразнили, гладили и целовали, пробираясь в самые укромные места, и я готова была забыть обо всем: что каким-то чудом оказалась в совершенно незнакомом месте, с совершенно непонятными порядками, в чужом теле и со странными, а оттого пугающими способностями. Казалось, что я наслаждаюсь заслуженным отдыхом на берегу теплого моря, что непременно и сделала бы, если бы отпустили в такой долгожданный и такой недоступный отпуск. Впрочем, на берегу моря я была и сейчас. Достаточно теплого, чтобы купаться нагишом. С остальным пока было неясно, но я обязательно разберусь.

До безобразия счастливая, я отфыркиваясь выбралась на берег, на узкую полоску влажного золотистого песка, когда услышала глухой перестук копыт. Овернулась.

Черт! Нашел! Ну кто его звал?

От замка, едва касаясь копытами мелкой гальки, ко мне несли коня, на его спине... Конечно же, Ладислав!

Глава 20. Ладистав. Беглянка

– Хозяин, завтрак готов. Вы спуститесь или велите подать сюда? – в спальню бесцеремонно вошла Верена и раздернула портьеры, впуская резкий солнечный свет.

Что она делает в моей комнате? Кто позволил? Где Мелисса?

Мысли вихрем пронеслись в голове, пока шурился и соображал сколько сейчас может быть времени.

– Где Мелисса? – озвучил последний вопрос.

– Не знаю, – неторопливо приближаясь, Верена пожала округлыми плечами. – Вам помочь одеться?

– Приведи сюда эту лентяйку, – распорядился я, выбираясь из кровати с другой от Верены стороны. – Она уже пришла в себя, вот и пусть приступает к своим обязанностям. Что застыла? Иди! – прикрикнул, потому что Верена стояла, не сводила с меня глаз и, кажется, не собиралась никуда идти.

А, Преисподняя!

Удерживающий штаны шнурок запутался и я никак не мог с ним справиться. Тонкие пальцы Мелиссы сейчас пришлись бы как нельзя кстати.

Спину прострелило, словно в меня ударила молния, стоило столько представить, как Мелисса прикасается к шнуровке.

Это невозможно, Светлейший! Я скоро сойду с ума. Почему? Почему сестра вызывает у меня такие мысли? Это грешно!

Я сильнее дернул узел, только еще туже затягивая его.

Нечистый, куда она подевалась?

Обернулся на дверь – на пороге стояла Верена и бесстыдно рассматривала меня.

– Что надо?

Знаю, хозяин не должен срываться на слугах, но я ничего не мог с собой поделать: сначала этот узел, потом мысли о Мелиссе, и ее отсутствие. Если бы она пришла, как полагается, я бы так не нервничал и, возможно, узел бы распутался намного легче.

– А ее нет, – пропела Верена и хлопнула ресницами.

– Как нет?!

– Нет. Ни в комнате, ни на кухне. Сбежала, наверное, неблагодарная. Возьмите, хозяин, – протянула мне домашний халат.

– Что значит сбежала? Куда сбежала?

Служанка только вздохнула и снова пожала плечами, показывая как углубляется ложбинка груди, но в этот раз не произвела на меня никакого впечатления.

Я подбежал к окну – неужели девчонка предприняла вторую попытку сброситься в море?

Море было спокойным и гладким как зеркало. Золотилась длинная солнечная дорожка, а вдалеке, почти скрываясь за изгибом береговой линии спокойную гладь нарушала какая-то рябь. Я пригляделся и увидел каштановые пряди, словно водоросли, разметавшиеся по поверхности воды.

– Прикажи готовить коня!

С размаху отшвырнул халат, схватил первую же попавшуюся рубаху, штаны, ботинки и выбежал из комнаты.

Я гнал лошадь во весь опор, опасаясь, что дуреха утонет или все-таки сбежит. Кто-то ее увидит, похитит – мысли одна страшнее другой сменялись, пока я приближался к беглянке.

Я видел, как она точно ундина выходит на берег, отжимает волосы. Кажется, одежда облепила ее всю, не оставив скрытым от нескромного взгляда ни одного кусочка стройного тела.

Пара глухих перестуков копыт, и у меня зашло сердце – это не одежда ее облепила! Мелисса купалась голая! Совершенно!

С ума сошла?!

Ее же может изнасиловать первый попавшийся бродяга, рыбак, да кто угодно!

Собрав все желание защитить и не позволить сбежать, я выбросил силовое поле, и Мелисса удивленно осмотрелась, когда ее окружил мерцающий кокон. Все еще оставаясь обнаженной, она растерянно следила за моим приближением, а я прилагал все силы, чтобы не отвлекаться на ее тело, сияющее под солнцем множеством радуг, и удержать поле.

Конь еще не успел остановиться, когда я выскочил из седла и бросился к этой сумасшедшей.

На ходу срывая с себя рубаху, я подбежал к Мелиссе. Укрывающий ее кокон упруго прогнулся, потом, признав создателя, впустил меня, и я поспешил укрыть ее наготу, как бы ни хотелось рассмотреть ее лучше. Такую нежную, манящую и... запретную.

– Немедленно оденься! – зло бросил я и поспешил отвернуться.

Только по движению воздуха, да по слабому отблеску в силовом коконе, который я так и не убрал, видел, что Мелисса схватила тяжелый халат, поспешно надела и затянула на талии.

– Как ты посмела уйти из замка? – повернувшись, я грозно навис над ней.

Глава 21. Ладислав. Ошейник

Мелисса вскинула голову, и я снова пропал в ее прозрачно-карих глазах. Потерял сосредоточенность, и кокон ослабел и начал растворяться.

– Я не пленница! – дерзкая девчонка вздернула подбородок и собралась ускользнуть, воспользовавшись моей минутной слабостью.

– Стоять! – рявкнул я и сжал кулаки, снова собирая волю и восстанавливая силовое поле. Мелисса вздрогнула и застыла, едва не коснувшись босой ногой границы кокона. Медленно повернулась и сжав полные губы, гневно уставилась на меня. – Ты моя служанка, – уже мягче и спокойнее продолжил я, когда убедился, что она не хочет сбежать, – моя рабыня. Ты не то, что уходить из замка, ты уходить из поля моего зрения не можешь без разрешения, даже дышать нельзя, если я не дам на это разрешение. Еще одна такая выходка, и будешь носить ошейник.

– К-какой ошейник? – Мелисса растерянно хлопнула мокрыми ресницами и испуганно схватилась за шею, словно ошейник невольника уже натирал нежную кожу.

Ну как можно смотреть так незащитно?!

Я только махнул рукой.

– Забудь. Просто, больше не покидай замок без моего разрешения, и тем более в одиночестве. Это может быть опасно. Прежде всего для тебя.

– Ошейником, – пробурчала она и смахнула с лица налипшие волосы, а потом покосилась из-под густой каштановой завесы. – Если мне захочется поплавать, я должна буду делать это при вас, хозя-аин?

Сначала я удивился – Мелисса никогда не проявляла интереса к морю, и вообще, кажется. Его боялась. По крайней мере к окнам с видом на море старалась не подходить, а шторы в комнате всегда были задернуты. Тем большей неожиданностью стало, что она решилась спрыгнуть со скалы. И вдруг – плавать. Но потом воображение нарисовала скользящее в волнах стройное тело. Может, она порождение русалки? А отец просто ее приютил, изучал ее способности?

Мучительно захотелось в это поверить. Мелисса может быть кем угодно: русалкой, с их роковой красотой, приводящей каждого, кто в них влюбился к гибели, безродным найденным, брошенным нерадивой матерью, только не моей сестрой.

– Залезай, – я убрал силовое поле и кивнул на лошадь. – Нам пора в замок, должен приехать поверенный, – и снова поймал удивленный взгляд. Да что же такое? Почему самые обыкновенные вещи вызывают у нее удивление. Будто ее подменили. – Он зачитает завешание отца. Я хочу, чтобы ты при этом присутствовала. Чтобы потом не было недомолвок и подозрений, что я от тебя что-то скрыл... Лисса, – намерено назвал ее неполным именем.

Мелисса топталась на песке, не зная как взобраться на нервно переступающего коня.

Видит Светлейший, я этого не хотел. Нет! Вру, как нечистый. Хотел. Очень. Но понимал, что не должен был хотеть.

Я взлетел в седло, наклонился к Мелиссе и протянул руку.

– Опирайся на мою ногу, – велел непререкаемым тоном.

Мелисса послушалась – кроткий нрав, который то появлялся, то исчезал, снова вернулся. Я перевел наши руки, подтянул почти невесомую девчонку и усадил перед собой.

Видимо, сидеть было не очень удобно, и она принялась ерзать. А поскольку свою рубаху отдал ей, то терлась тканью халата о мою голую грудь. Не знаю, понимала ли что творит, но результаты не заставили себя ждать, и, чтобы хоть как-то уговорить ее, я крепко прижал к себе, не давая возможности двигаться.

Если не считать спасения из моря, я старался не прикасаться к Мелиссе, и сейчас поразился тому, насколько на хрупкая, а под ладонью, передавая мне ритм, спокойно и ровно билось сердце, в отличие от моего – стучавшего в груди словно молот.

Чтобы не растрясти Мелиссу, я пустил коня шагом, но это не мешало ветру раздувать ее волосы, а мне задохнуться в густом запахе моря и лилий.

Нет, она точно дочь русалки. Может, отец скрывал ее происхождение? Но могла ли она тогда быть его дочерью?

Не удержавшись, я наклонил голову и зарылся лицом во влажные пряди.

Глава 22. Мелисса. Гостья

«Да уж, Ладислава точно ждет больничка, если здесь, конечно, такие есть», – размышляла я, трясаясь перед ним на лошади.

Я всего-то решила искупаться подальше от посторонних глаз, как он тут же прилетел, наорал, да еще и ошейником каким-то угрожал. Хорошо, что не будкой. А то сидела бы как сторожевая собака.

Как-то жалко стало тех, кто проживает в его доме, даже вредную Варану. Они же не могут написать заявление на увольнение и уйти, а вынуждены уживаться с этим самодуром. Может, из-за этого и характер такой паршивый.

Эй! Это вот что он сейчас сделал?!

Ладно, практически впечатал меня в себя, удерживая под самой грудью, так, что я чувствовала всю впившуюся в ребра пятерню, так еще уткнулся и горячо дышал в шею! Статьи на него нет за домогательство! Что он там говорил? Опасно покидать стены замка? Да мне с ним оставаться опасно!

Я осмотрелась по сторонам – высоко, блин!

Идея прыгнуть с лошади сразу же испарилась – не хотелось ломать шею. Фиг с ним, я не нежная фиалка, еще не с таким сталкивалась, как-нибудь переживу эту поездку. Но он мне за нее заплатит!

Что там говорил про завещание?

Вот будет забавно, если его отец что-то мне, вернее Мелиссе, завещал или же, подарил свободу, раз при жизни защищал, как поняла из слов Верены и Ладислава.

Пока я размышляла и строила планы, как поступить, если стану свободной, мы успели подняться по крутой каменистой тропе и въехали в высокие ворота тюрьмы, которую мне под страхом ошейника запретили покидать.

Снова недобрым словом помянув Ладислава и его рабовладельческие закидоны, я хотела уже прыгнуть на мощеную площадку, но сильная рука вжала меня в мгновенно напрягшееся тело.

Что случилось?

С риском сломать шею, я посмотрела на Ладислава, потому что, притиснутая к нему так, что трещали ребра, не могла повернуться всем телом – неужели решил меня раздавить?

Но он, прищурившись и сжав губы, отчего они превратились в тонкую жесткую линию, смотрел прямо перед собой.

Я проследила за его взглядом.

Фига ж себе! На площадке перед парадными дверями, запряженная четверкой черных лошадей, стояла, наверное, карета. Вся покрытая перламутром. Словно гигантская жемчужина, только не круглая, а вполне себе квадратная, с золотыми лебедями на дверях. Это кто же был с таким шиком?

– Ильен, – словно отвечая на мои мысли, прошипел Ладислав. Кажется, визитер, кем бы он ни был, не вызвал у него особой радости.

Дверь кареты распахнулась, и лакей, судя по ливрее с орлами, дома Ладислава, почтительно подал руку.

Сначала из кареты появилась затянутая в перчатку женская рука, потом край пышной, из богатой ткани юбки, носок туфельки, а следом и вся хозяйка – невысокая молодая женщина с каким-то преувеличенно детским лицом. Темные, тщательно завитые локоны спускались из-под шляпки на плечи, а платье, хоть и дорожное, было слишком ярким, что смотрелось особенно неуместно в доме, где все носили траур.

– Ильен Ильчиньо, – задвигая меня себе за спину, вопросительно протянул Ладислав. Какое странное имя, отдает чем-то итальянским и вполне подходит его обладательнице. – Что привело вас на столь пустынное побережье?

Несмотря на то, что Ладислав усиленно старался меня спрятать, я выглядывала, желая рассмотреть гостью, а она не сводила с меня черных и немного кукольных глаз.

– Ты так неожиданно исчез, – голос Ильен звучал мягко и вкрадчиво, а у меня почему-то разболелась голова. – Без тебя двор опустел. Стало очень скучно. И Кристаин решил, что морской воздух будет всем только полезен.

– Он едет сюда? – Ладислав обернулся ко мне, при этом его глаза недобро сверкнули, и он повторно пихнул в бок, задвигая меня за свою спину.

– Да, – Ильен сделала еще шаг. В висках отчаянно застучало. – Он захотел пожить в летней резиденции. Я вызвалась поехать первой и предупредить тебя. Но смотрю ты совсем не скучал в этой, как ты выразился, глуши.

Она уже открыто рассматривала меня, отчего боль еще больше усилилась.

– Ильен, не надо, – в голосе Ладислава слышалось предупреждение.

– Что? – она вскинула на него кукольные глаза, и боль отступила.

– Ты знаешь, – ответил Ладислав, и воздух вокруг нас замерцал, как бывает над разогретым асфальтом. Точно так же он мерцал там, на берегу, когда Ладислав отчитывал меня за побег. Боль сразу же отступила, и голова прояснилась. – Ты предупредила. Благодарю. Можешь продолжить путь.

– О, – длинные черные ресницы хлопнули, – я планировала здесь задержаться. Кристаин в сопровождении двора передвигается медленно. Я думала воспользоваться твоим гостеприимством.

Воздух завибрировал сильнее, словно в окружающую нас сферу что-то ударилось и, отпружинив, отскочило. Между тонких бровей Ильен появилась небольшая морщинка недовольства.

Это они что сейчас делают?

– Кого ты там прячешь? – уже открыто поинтересовалась Ильен, и Ладислав оглянулся, будто только сейчас понял, что кто-то стоит у него за спиной.

Глава 23. Кусок пирога

– Ничего особенного, – пожал он плечами. – Беглая служанка, – а затем повернулся ко мне. – Мелисса, отправляйся к себе и подобающе оденься, – он не кричал, не злился, говорил очень серьезно и спокойно, будто хотел, чтобы я поняла что-то важное.

– Служанка? – удивилась Ильен, прежде чем я ушла, проникнувшись столь необычным поведением Ладислава. Она внимательно осмотрела мое запахнутое и стянутое на талии платье, голого по пояс Ладислава. – Как мило, – она счастливо улыбнулась, показав ровные белые зубы. Это забота лекаря–стоматолога или волшебная зубная паста? Когда соберусь отсюда валить, надо захватить несколько тюбиков – сэкономлю на отбеливании. – Мне как раз понадобится служанка. Одолжишь ее мне? – она снова в упор посмотрела на меня, и мерцающая сфера опять отпружинила.

– Она слишком неумелая. К тому же провинилась. Не думаю, что она будет для тебя хорошей прислужницей, – ответил Ладислав, настойчиво подталкивая меня к дверям замка, но я не могла пропустить такой познавательный разговор.

– Именно поэтому ты сам бросился на ее поиски? – Ильен продолжала внимательно изучать меня. – Она не похожа на обычную служанку. Почему я не могу ее прочитать? Что-то вы скрываете Ладислав Эрир? Вряд ли Кристаину это понравится.

Это сейчас была угроза? Но Ладислав даже не дрогнул.

– Ильен, ты не смогла ее прочитать, потому что я не захотел, – слишком спокойно, слишком ровно ответил он.

Ой, что-то мне все это совсем не нравится. И потом, что значит: «Я не захотел»? Они меня сейчас как кусок пирога что ли делят?

– Нет. Еще до того, как ты выставил защиту, я не смогла ее прочитать. Ты уверен, что она простая служанка?

С хрустом сжались кулаки, а вены на смуглых руках вздулись. Кажется, Ладислав еле сдерживается. Ильен играет с огнем. Даже со мной он не был таким злым. Ой! По спине Ладислава пробежало что-то похожее на огненную струйку и тут же растворилось. Мамочки! Что же такое творится?

– Почему ты закрыл ее от меня? – продолжала наступать Ильен. Огненный ручеек заметнее заструился вдоль позвоночника. Ильен играла с огнем в буквальном смысле.

– Потому что это незаконно, – Ладислав отступал и одновременно оттеснял меня. Я же совсем не хотела уходить.

– Но она служанка! – тонкие брови удивленно приподнялись. – Или все-таки нет?

– Она моя служанка, Ильен. И я не хочу, чтобы ты копалась в делах моего дома. Пожалуйста, сдерживай свое любопытство, пока находишься в этих стенах. Проходи, я разберусь с Мелиссой и распоряжусь, чтобы для тебя приготовили комнату.

Уже больше не церемонясь, он взял меня за плечо, развернул лицом к замку и придал ускорение, подтолкнув в спину.

– Старайся не попадаться Ильен на глаза. Она может быть очень опасной, – негромко говорил Ладислав, словно конвоир, сопровождая меня в комнату. – Она почему-то не смогла тебя прочитать, но способна и на многое другое, что тебе не понравится. Она сдерживается в высшем обществе, но дает себе волю с людьми низкого происхождения.

Как-то многовато Ладислав знает о гостье. Кто она ему?

Я украдкой покосилась, но его лицо больше напоминало маску – сжатые губы, сосредоточенный взгляд из-под нахмуренных бровей. В этот раз гнев хозяина был направлен не на меня, а в защиту? Вот ничего себе!

– Не забывай про завещание, – Ладислав остановился у дверей мой комнаты. – Когда переоденешься, спустишься в библиотеку. И старайся не оставаться одна и не попадаться на глаза Ильен.

Я не ослышалась? В его голосе действительно слышалось беспокойство обо мне?

– А как же вы? – невольно вырвалось у меня. – Вам тоже надо одеться.

Так непривычно было видеть заботливого Ладислава, что тоже захотелось сделать для него что-то хорошее.

– Я умею одеваться сам, Мелисса, – голос полный непонятной мне тоски и грусти. Я тоже всю жизнь сама одеваюсь, и что? Не вижу причин для вселенской печали.

Ладислав еще немного постоял, держась за дверь и не давая ее закрыть, будто что-то еще хотел сказать, потом все-таки отступил.

– Библиотека.

Напоследок сказал он и пошагал к своей комнате, а я удивленно провожала его взглядом – прямая спина, гордо поднятая голова, будто он не полуголый, а при полном параде идет по дворцовым коридорам. Знать – чувство собственного достоинства у них в крови.

А кто я?

Вздыхнув, закрыла дверь и осталась наедине со своими мыслями.

Глава 24. Ладислав. Дышащий соблазн

Каким недобрым ветром занесло сюда Ильен?

Я распорядился, чтобы ей выделили покои подальше от моих и Мелиссы, но с девушкой из рода Ильчино никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Слишком искусно они умеют морочить головы. Я и сам это понял буквально недавно. Что все чувства, когда я радовался, будто начал забывать Мелиссу, все пылкие признания были всего лишь игрой с ее стороны, обычным отвлечением от дворцовой скуки. Я полагал, что мы тогда все выяснили, так зачем Ильен снова появилась? Стало скучно, и она вспомнила о забытой игрушке?

Поверенный вот-вот должен был прийти, и я торопливо одевался.

Темно-серый костюм с черной окантовкой, белая сорочка, черный шейный платок и булавка с черным жемчугом показались мне достаточно подходящими для траура.

Верена засунула свой любопытный нос уже когда несколько раз прошелся по волосам щеткой.

Ну ни какого уважения к хозяину. Смотрю, отец совсем их распустил, пока меня не было.

– Когда научишься стучаться? – я повернулся и посмотрел из-под сдвинутых бровей.

– Хозяин, – Верена присела в поклоне. Она слишком глубоко дышала, отчего выдающийся бюст буквально ходил ходуном. Так запыхаться нельзя даже если бежать к замку от самого подножия скалы, а служанка никуда дальше кухни не ходила.

Что мне с этими девчонками делать? Одна кланяется слишком глубоко, вторая дышит так, что корсет вот-вот разойдется, третья норовит залезть в голову и перевернуть все вверх тормашками. И все на меня одного, как сговорились!

Но если выходки Мелиссы вызывали волнение, Ильен – опасения, из-за Верены я испытывал только раздражение. Пожалуй, из всех только Грета нормальная. По крайней мере она знает свое место и беспрекословно выполняет все распоряжения.

– Что хотела? – как можно более сурово спросил, когда от колыханий служанки закружилась голова.

– Поверенный пришел, – сообщила она и еще раз глубоко вздохнула, и я невольно задержал взгляд на ее декольте. Что же, может на конюхов ее уловки и действуют, но не на знать, и зря она надеется чего-то добиться их помощью. – Я проводила его в библиотеку, – сладкий голос обволакивал словно мед, и так же после него хотелось выпить чистой воды.

– Молодец. А теперь сообщи Мелиссе, чтобы спускалась в библиотеку.

– Мелиска? – Верена округлила глаза и рот. – Она-то вам там зачем, – пренебрежительно скривила подкрашенные губы.

– Ты хочешь обсудить распоряжение хозяина?

Прислуга в этом доме точно забыла свое место. Они и с отцом так же разговаривали? Или думают, что я не смогу удержать их в узде?

– Слишком тепло на кухне? Голову перегрела? Так я тебя отправлю в деревню готовить для рыбаков. Хочешь?

Угроза подействовала, и Верена умерила свое дыхание.

– Нет, что вы хозяин, – нестерпимо захотелось вытереть руки. Казалось, что они все липкие от меда. – Еще Грета просила узнать что готовить к обеду. Может, у гости есть какие-то пожелания?

– Пожеланиях гости лучше узнать у самой гости. Не так ли? А теперь иди и позови Мелиссу, – дождавшись поклона, все-таки выпроводил служанку. И сразу же пожалел, что отправил ее в Ильен.

Эти две девицы, хоть и разного происхождения, но, если договорятся, могут натворить много неприятностей. Но служанка уже убежала, а поверенного заставлять ждать невежливо, и я спустился в библиотеку.

– Сочувствую вашему горю, – при моем появлении чиновник приподнялся и отвесил учтивый поклон. – Ваш батюшка, как и положено, оставил у меня свое последнее волеизъявление, и я готов его озвучить, – он торжественно положил на колени небольшой саквояж и приготовился его открыть.

– Подождите, – я поднял руку. – Должна подойти Мелисса. Я хочу, чтобы она тоже услышала последнюю волю отца.

– Мелисса? Его помощница?

Как и я когда-то, он не понимал подобного отношения к невольнице. Пожалуй, я хотел бы вернуть прежнее неведение, насколько бы проще была жизнь. Мелисса стала бы свободной и...

– Хотите перцовой наливки? – я поспешил прервать свои фантазии, слишком соблазнительные, чтобы хоть когда-нибудь стать возможными. – Грета ее прекрасно делает.

– Да, я уже имел возможность в этом убедиться, – поверенный довольно потирал руки, пока я разливал по рюмкам красноватую наливку. Благодаря заботам Греты она всегда была холодная, а графин покрывал тонкий налет инея.

– Да хранит его душу Светлейший, – поверенный поднял рюмку, выпил и посмотрел поверх моего плеча.

Кажется, наливка не пошла ему на пользу – лицо покраснело, глаза выкатились, и он тыкал пальцем мне за спину.

Я обернулся и тоже чуть не подавился наливкой.

Ничего удивительного, что поверенный потерял дар речи – в дверях стояла Мелисса. Скромное платье глубокого сливового цвета без оборок и вышивки, только с полоской кружева на высоком воротнике сидело как-то странно, но удивительно ей шло. Строгие линии непостижимым образом только еще больше подчеркнули хрупкость и женственность, а лиловый цвет зажег в ореховых глазах мистические искры, будто включил все скрытые магические силы. Почему-то я все больше уверялся, что они у Мелиссы есть, и с каждым днем, прошедшим со смерти отца, все больше высвобождаются.

Вспомнилось, что Ильен почему-то не могла проникнуть в ее голову. Почему? Ведь даже мне смогла затуманить здравый смысл, и только когда это понял, стал осознанно защищаться от ее чар. Осознанно. А у Мелиссы это получилось случайно? Она же не знала, что Ильен пытается проверить с ней подобные штучки.

Нет. Этого не может быть, потому что быть этого не может. Такое недоступно никому.

Глава 25. Мелисса. Лучшая защита – это нападение

«И зачем Ладиславу понадобилось, чтобы я присутствовала на чтении завещания? Хочет лишний раз унижить? Видимо, временному перемирию пришел конец. Ладно, перетерплю, лишь бы «его светлости» было хорошо», – размышляла я спускаясь в библиотеку, после того как в мою комнату ворвалась Верена и передала распоряжение прийти немедленно. А я, между прочим, только успела помыться после купания. К тому же вредная зараза наотрез отказалась помочь одеться, а я не представляла как они сами зашнуровывают все тесемки.

– Не госпожа, сама оденешься, – измерив меня взглядом, заявила эта ящерица.

И я решила на неслыханное – пренебречь корсетом и надеть платье прямо на рубашку. Вот только застегнется ли?

На мое счастье оказалось, что Мелисса не очень нуждалась в корсетах, или же платье было сшито на вырост. Тесновато, конечно, но дышится все-таки легче, чем в корсете.

Постучалась, открыла дверь и застыла под направленным на меня пальцем высокого человека в черном.

Он стоял, словно проглотил кол и пилился на меня.

Все раскрылось! Все пропало! Сейчас меня объявят самозванкой и посадят в какую-нибудь местную тюрьму, а потом будут допытываться куда дела настоящую Мелиссу. Бежать! Немедленно! Хорошо, что нет корсета.

Все эти мысли пронеслись в голове с быстротой молнии, а дыхание убыстрилось, насыщая кровь и мышцы кислородом для немедленного спринта.

– А, Мелисса, входи, – будто ни в чем не бывало обернулся Ладислав.

Хочет притупить мою бдительность?

Я все еще нерешительно переминалась на пороге.

– Мелисса, вы очень изменились, когда я видел вас в последний раз, – расплылся в улыбке незнакомец, а я напряглась еще больше, хотя вроде бы, куда больше-то? Ноги еще оставались на полу, а тело уже разворачивалось, чтобы бежать сломя голову. Я и не знала, что такое может быть не только в мультиках.

И тут случилось что-то непонятное. Сердце, как безумное бившееся в горле, замерло, потом по рукам словно побежал ток, а сердце вернулось к нормальному ритму и на свое место. От меня что-то словно отделилось и устремилось к мужчинам, при этом оно поблескивало и потрескивало.

Это что я сейчас сделала?

На всякий случай спрятала руки за спину – не, это не я. Оно само.

Надо отдать Ладиславу должное – не успело потрескивающее нечто набросится на них (не знаю, что оно хотело с ними сделать) он молниеносно выставил руку и остановил угрозу. Потом сделал жест, будто собирал ткань в кулак, и блески втянулись ему в руку.

– Мелисса, почему вы от нас защищаетесь?! – удивленно воскликнул незнакомец.

Так значит я защищалась? А что еще могу сделать? Поджарить человека? Кажется, я сама себя теперь буду бояться.

– Прошу прощения, – извинился за меня Ладислав, – но Мелисса очень тяжело переносит потерю и даже немного повредила память. Ее поступки могут быть очень странными, не обращайтесь внимания.

Незнакомец откашлялся и опасливо на меня покосился.

– Приступим? – перевел взгляд на присевшего за стол Ладислава.

Дождавшись утвердительного кивка, раскрыл украшенную резьбой коробочку с ручкой и достал свернутый трубочкой документ.

Я смотрела во все глаза – интересно же, как здесь хранят завещания. Может, когда вернусь, роман напишу и только я одна буду знать, что все произошло на самом деле.

Словно защищая содержание от посторонних глаз, трубочку обвивали тонкие нити. Что-то мне подсказывало, что в этом странном мире, где есть место волшебству, их не так-то просто порвать, как кажется на первый взгляд. А поверх них еще красовалась печать скучного коричневого цвета.

Интересно, что случится, если кто-то посторонний попытается развернуть свиток? Нитки его задушат, или бумага самостоятельно сгорит? Но этого мне не суждено было узнать, потому что поверенный, кажется, Ладислав так его назвал, коснулся печати символом на перстне. Печать рассыпалась с сухим треском, а нити растаяли, словно их и не было.

Хм-м-м, что-то типа нашей биометрии, распознавание свой-чужой – очень удобно.

Перехватила вопросительный взгляд Ладислава и поняла, что от удивления приоткрыла рот. Черт! Надо следить за своими реакциями, кажется хозяин уже начинает что-то подозревать, потому что застывшие в глазах вопросы сменились обеспокоенностью, но тут поверенный развернул свиток, и Ладислав повернулся к нему.

Кажется, последняя воля отца очень его беспокоит. Неужели боится остаться без наследства?

Столько вопросов и ни одного ответа. Возможно, я могла бы найти какие-то следы или намеки в мастерской, где по словам Греты Мелисса проводила со старым хозяином много времени, но проникнуть туда пока не получалось.

Я еще ни разу не присутствовала на оглашении завещания, но все походило на то, что показывают по телевизору, и я слушала с вежливым вниманием.

Оказывается, помимо этого замка, Ладислав теперь владеет рыбацкими и торговыми кораблями, особняком в столице, доходными домами, какими-то рудниками. Черт! Да он завидный жених. Прямо олигарх по нашим меркам. Но не про мою, вернее Мелиссину честь. Такие как он со служанками только развлекаются, а женятся на таких, как Ильен. Не зря же она прискакала. Интересно, а сама Мелисса не сохла случайно по хозяину? Высокомерный грубиян, он по-своему был красив суровой мужественной красотой и совсем не походил на мальчиков из моего мира – субтильных, прилизанных и больше похожих на девочек. А если еще вспомнить как он беспокоился, приводя меня в чувство, как целовал, а потом подхватил на руки и сам донес до комнаты – я бы не удивилась, если бы Мелисса влюбилась в хозяина.

Может и хорошо, что я временно заняла ее место – не увидит, как возлюбленный ведет под венец или что у них здесь, другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.